

Лидия Чарская

Лесовичка

Лидия Чарская
Лесовичка

«Public Domain»

1909

Чарская Л. А.

Лесовичка / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1909

Приключенческая повесть «Лесовичка» рассказывает нам о событиях, происходящих с девочкой Ксаней. Из лесной сторожки, где она провела раннее детство, Ксаня попадает в графскую усадьбу Розовое, затем в исправительный пансион для трудных подростков и, наконец, в театр, и сразу же – на главные роли. Но самое интересное – впереди...

© Чарская Л. А., 1909

© Public Domain, 1909

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	10
Глава IV	15
Глава V	21
Глава VI	26
Глава VII	32
Глава VIII	36
Глава IX	39
Глава X	44
Глава XI	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лидия Алексеевна Чарская

Лесовичка

*Дорогому, единственному моему Юрику
посвящаю эти повесть*

...тогда оживал старый лес. Светляки зажигались в траве, и кузнечики пели на былинках. Луна всходила. Голубые эльфы кружились в воздухе, нарядные и пестрые, как мотыльки...

И праздник начинался...

Из чащи непроницаемой выходили старые, хромые лешие, с козьими ногами, и молодые, стройные, смуглые лесовички, зеленокудрые, с глазами темными, как ночная мгла, с косами до пят, с хищной улыбкой, угрюмо и дико есяющиеся... И русалки из топких озер, подружки тех зеленокудрых царевен леса, угрюмых и страшных лесных сибилл, смеясь, выплывали...

И праздник начинался...

Отрывок из неизданной сказки

Часть первая В РОЗОВОЙ УСАДЬБЕ

Глава I Смертельная опасность. – Выстрел

– Остановите их! Остановите! – пронзительно резко пронесся по лесу громкий, отчаянный вопль.

Но никакие силы не могли бы остановить вихрем мчавшейся тройки. Внезапно разыгравшаяся гроза с громовыми ударами и зигзагами молнии привела в неистовое бешенство коней. Они сломя голову неслись все вперед и вперед, с каждой минутой все ускоряя бег. Кучер едва удерживал вожжи и, до хрипоты надрываясь, кричал на одичавших от страха животных.

Когда огненные иглы молний прорезали черное небо, освещая на короткие мгновения лес, из коляски выглядывало смертельно бледное личико молоденькой девушки, а рядом с ним не менее взволнованное лицо пожилого мужчины.

– Папа! папа! Если Андрон не удержит коней – мы погибнем... Ведь здесь должна быть неподалеку Чертова пасть... Это ужасно! ужасно! – исступленно звенел все тот же срывающийся, испуганный и дрожащий голосок.

– Успокойся, Ната! Успокойся, моя девочка. Бог даст, мы...

Но голос мужчины сорвался, не договорив фразы. Новый, еще более отчаянный удар грома потряс лес с его вершины до основания. В тот же миг лошади рванулись вперед со страшной силой и понеслись без удержу.

– Мы погибли! – вырвалось новым воплем из глубины коляски. – Мама! Верочка! Налъ! Не увижу вас больше... Никогда... никогда... – рыдал, срываясь на каждой ноте, вымученный ужасом тонкий голосок девушки.

Тьма ночи исчезала и снова чернела; свет менялся со мглой, как бы играя в ужасную, злодейскую и стихийную игру. Великаны-деревья шумели глухо и зловеще. А там, невдалеке, в восьми или десяти саженьях, зияла страшным, бездонным глазом Чертова пасть, огромный и глубокий обрыв, скорее пропасть, скрывавшаяся в глубине лесной чащи.

Лошади неслись прямо к обрыву. Еще минута – и коляска с путниками должна была неминуемо исчезнуть в бездонной пропасти. Об удерже коней не могло быть и речи... Экипаж, увлекаемый ими, мчался, как жалкая игрушка, туда, к гибели и смерти, все вперед и вперед... Отчаянные вопли теперь непрерывно звучали из коляски...

Кучер едва держался на козлах, ухватившись за края их обеими руками, предоставив полную волю лошадям, не будучи в силах их удержать.

Вот они уже в пяти шагах от Чертовой пасти, близости которой не чувствуют разгоряченные скачкой лошади... Еще ближе... Еще... «Сейчас... Вот... смерть безвременная... ужасная... неизбежная...» – мелькает в голове путников, затихших в глубине коляски...

Вдруг...

Сухой треск... Крик у обрыва... И неожиданно, среди затихшей на мгновение грозы, раздался по лесу гулкий выстрел. Коренник тройки сделал отчаяннейший скачок и, бесильно повиснув на дуге, стал тяжело припадать к земле всем своим сильным туловищем. Теплая, липкая струя потекла у него по лбу.

Коренник был мертв, сраженный меткой пулей. Две другие лошади стали на месте, тяжело дыша, роняя пену и издавая продолжительное хрипение...

Облегченный вздох вырвался из груди спутников, сидевших в коляске.

– Андрон, откуда этот выстрел? Кто стрелял? – окликнул кучера дрожащий голос.

Тот уже сполз, чуть живой, с козел и возился около мертвого коренника, распрягая тройку... Спасение поспело вовремя... Коляска находилась всего в двух аршинах от крутого ската Чертовой пасти.

– Эй, кто тут? – крикнул Андрон, чуть различая во тьме шевелившуюся тут же у пропасти черную, небольшую фигуру. – Зачем стрелял? Эй! Кто ты?

Черная фигура, стоявшая у самого края обрыва, зашевелилась, потом опустила еще дымившееся ружье, и из-под черного непромокаемого кожуха с капюшоном прозвучал тихий ответ:

– Надо было стрелять... Иначе бы вы все туда... в пропасть... А от выстрела кони опомнились... стали... Досада только: нечаянно убит коренник... Не хотелось... Что делать... пришлось пожертвовать лошастью...

Голос звучал неровно и глухо, точно перепуганный или взволнованный всем случившимся.

– Спасибо!.. спасибо!.. Бог с нею, с Буланкой!.. Вы нас всех спасли... Сам Господь надоумил вас стрелять, – горячо отвечал мужчина, выскакивая из коляски. – Мы вам обязаны жизнью... Скажите же, кто вы?.. По росту и голосу мальчик... ребенок... Как тебя зовут, голубчик? – ласково заключил он свою речь.

Но черная фигурка молчала.

Андрон между тем суетился около убитой Буланки.

– Ох, ты, горяшко-горе... Знатный был конек, – растерянно лепетал он себе под нос. – И как тебя угораздило прямо в морду стрелять?.. То ли бы дело в ноги... Жив бы остался конек... А то в лоб! Эх, эх, каверзное дело убыток какой вышел... Барин, ваше сиятельство, большой убыток, батюшка граф...

– Молчи, Андрон! Он нам жизнь спас, этот выстрел, – строго прикрикнул тот, кого кучер почтительно называл «вашим сиятельством» и «графом».

Затем он снова обратился к черной фигурке:

– Да скажи же мне твое имя, мальчуган, чтобы я знал, кому мы обязаны жизнью. А завтра, чуть свет, приходи в Розовое... Я отблагодарю тебя щедро...

Но черная фигурка по-прежнему молчала.

Андрон между тем отпряг лошадей. Тяжело хлопнулась о землю мертвая голова Буланки, до этой минуты висевшая на упряжи дугой. С диким хрипением две другие лошади попятились назад. Андрон впряг одну из них на место убитой, другую к «пристяжке» и, объявляя, что все готово и можно ехать дальше, подошел к своему господину, все еще в недоумении стоявшему перед погруженной в молчание таинственной фигуркой.

– Ну, чего заупрямился? Говори, что ли, кто ты есть, безъязыкий ты этакий! – с суровой ласковостью обратился к своему незнакомому спасителю Андрон.

В ту же минуту, после долгого промежутка времени, внезапно снова блеснула молния. Блеснула и озарила сиятельного господина, дорожную коляску и мертвую лошадь у ската в обрыв...

Осветила она и черную фигурку в кожане, с ружьем в руках, смуглое, юное личико, спутанные, черные кудри, быстрые, черные, угрюмо горящие глаза и взгляд дикого зверька под густыми нахмуренными бровями.

— Лесовичка! — неожиданно испуганным звуком вырвалось из груди Андрона, и он попятился на два шага назад.

Черная фигурка отпрянула в сторону и быстро исчезла в кустах...

Глава II

После грозы

Гроза затихла. Дождь перестал. Коляска, запряженная уже только парой лошадей (мертвого коренника оставили на краю обрыва), тихо и мерно катилась по лесной дороге.

Молчала ночь...

А в это время черная фигурка с ружьем в руке бодро шагала от Чертовой пасти в глубину лесной чащи.

Черная фигурка сбросила с головы клеенчатый капюшон и, подставив свою разгоряченную голову навстречу свежей июльской ночи, с наслаждением вдыхала разом очистившийся от духоты воздух.

– Жаль лошади, – размышляла фигурка. – Да что делать? Граф прав: лучше было одну Буланку, нежели всех их отдать смерти... Как хорошо, что подоспела вовремя!.. Точно сила какая-то к Чертовой пасти меня толкала... И ружье как нарочно взяла... А тут гроза внезапно и «они»... Жаль, что не удалось повидать как следует молоденькую графинюшку... Виктор говорил красавица... Верно, хотя белая, что бумага... Ах, только плохо, коли дядя ружья хватится... Ругать станет... Поди, еще спит... Опять не в своем виде вернулся из деревни... До завтра проспит... А ловко попало!.. Хлоп на месте! Прямо в лоб... Кучер испугался, как увидел: «Лесовичка!» кричит... Глупый! Небось, теперь наврет с полкороба своему графу, что я и грозу-то на них наслала... Лесовичка ведь я... колдовское отродье!.. Ха, ха, ха! Ха!

Громкий, резкий смех внезапно нарушил мертвенную тишину леса. Дико и странно прозвучал он. Ему ответили бесчисленные отголоски эха из глубины чащи. Точно тысячи черных духов ночи запели в лесу свой зловеший и страшный гимн.

Неожиданно, когда последняя нотка еще дрожала в ночном воздухе, перед черной фигуркой, как из-под земли, вырос в темноте кто-то огромный, широкоплечий.

– Кто тут шляется? а? – прогремел над нею зычный и грубый голос.

– Это я, дядя, я!

– Что за дьяволыщина! Ксанька! Что ты не спишь, ночная сова?

Фигурка сделала было скачок в сторону, как бы желая укрыться.

«Ружье сейчас заметит, беда!» – вихрем пронеслась в мозгу испуганная мысль.

Но было уже поздно. Огромный человек нащупал в темноте знакомый ствол ружья и разразился целым потоком брани и проклятий.

– Украла! Стянула-таки! Постой же, погоди ты, подлая девчонка! Я ж тебе задам! Попляшешь ты у меня!.. Потеряешь охоту таскать чужое добро, дрянь ты этакая!..

И вырвав грубо ружье из рук опешившей фигурки, огромный человек изо всей силы толкнул ее вперед.

Пролетев от него несколько шагов с вытянутыми вперед руками, фигурка уткнулась ими во что-то, бесшумно поддавшееся, и очутилась на полу, в слабо освещенной лесной сторожке, незаметно приютившейся среди кустов.

Глава III

Обитатели лесной сторожки

– Вася!

– Ксаня! Милая, что случилось? И слышал выстрел... Отец проснулся... Увидел, что нет ружья... Сразу догадался, что ты ружье взяла... Рассердился и за тобой вдогонку... Прибить грозился... Зачем ты стреляла? Зачем?

Посреди небольшой комнатки, освещенной кривобокой лампой, стоял мальчик, или, вернее, юноша, лет семнадцати, худенький, высокий и слабый, с некрасивым, изжелта бледным лицом, какие бывают у людей, съедаемых злым и упорным недугом. Но выражение этого лица было мягкое. Глубокие, печальные глаза глядели с какою-то странною тревогою на черную фигурку, внезапно очутившуюся в лесной сторожке. Юноша был хромым и с трудом передвигал ноги, но при виде черной фигурки, распростертой на полу, он сделал поспешно несколько шагов к ней, странно волоча правую ногу и сильно опираясь плечом на костыль.

Едва он успел приблизиться, как черная фигурка поднялась, вскочила и в одну минуту сорвала безобразный кожух с капюшоном. И перед взором мальчика предстало странное, не большое, но сильное существо с широкими плечами и крепко сколоченным станом, смуглое, румяное личико, черные быстрые, исподлобья смотревшие глаза, подвижные трепещущие ноздри и густые, как шапка, кудри, черные, сухие и пышные, спускающиеся косою до пояса и струившиеся выбившимися кудерьками по плечам, вдоль щек и смуглой, загорелой шеи. Что-то не русское и в то же время своеобразно дико-красивое было в этой невысокой стройной пятнадцатилетней девочке, дышащей силой, мощью и здоровьем.

– Да, я стреляла! – произнесла она с каким-то упрямым задором, глядя юноше прямо в глаза темным сверкающим взором.

– Ксаня! безумная! Из его ружья! – в ужасе сорвалось с бледных губ хромого.

– Так что же! Этот выстрел спас «розового» графа и молодую заграничную графинюшку и, – не без гордости прибавила она, – убил лошадь, графского коренника. Понимаешь?

– Ты убила лошадь?

– Да! И спасла людей!

– Ты, Ксаня, спасла розового графа?

– Ну, да, графа!.. Вот бестолковый!

И спешно, путаясь и сверкая глазами, та, которую звали Ксаней, рассказала, как было дело.

– «Розовый» граф ездил на станцию встречать свою «заграничную» дочку. Я знала, что они поедут мимо Чертовой пасты... Там путь на «Розовое» ближе... Ну и пошла, взглянуть было охота... А тут гроза... Лошади взбесились... и пошла потеха!..

– Но зачем же ты взяла ружье? – взволнованно выпрашивал хромой.

– А затем, чтобы поугадать «тех», понимаешь, если бы они снова встретились на моем пути и стали бы дразнить и травить меня, как собачонку...

Глаза девочки угрюмо блеснули.

– Ксаня! – скорее простонал, нежели произнес хромой.

– Ну, да... чего ты ахаешь? Я бы стреляла на воздух, понимаешь? А «те» трусы... Небось! сразу бы отбила охоту травить меня!

И она раскатисто засмеялась. Ее белые зубы хищно блеснули в двух полосках малинового рта.

Вдруг ее смех разом присекся, замер.

– Отец идет! – прозвенел нервно и испуганно голос хромого.

И он подался инстинктивно назад.

На пороге комнаты, заслоняя своей огромной фигурой крошечные сени лесной сторожки, стоял огромный человек в сером кафтане, обшитом по борту зеленым кантом, и в кожаной фуражке, с бляхой на груди. Его угрюмое лицо с длинной, рыжеватой бородою и неприятные блуждающие глаза, горящие сухим блеском раздражения и злобы, хранили следы гнева.

– Чего раскудахталась не в пору? – свирепо кинул он Ксане. – Говори, как смела трогать мое ружье?

И огромные руки рыжеватого гиганта упали на стройные, еще детские плечи смуглой девушки и впились в них.

– Зачем брала ружье? Говори! – и он тряс изо всей силы девочку, в то время, как мрачные глаза его сверкали, как два раскаленных угля.

Вся кровь мгновенно отлила от щек Ксении. Ее смуглое, розовое личико стало белым как мел. Взор сверкнул из-под нависших над ними черных кудрей.

– Не смей меня трогать, дядя! – резко прокричала она, будя воцарившуюся в домике минутную тишину.

– Что-о-о-о?

И огромный человек разразился зловещим смехом.

– Ах, ты, дрянь эдакая! – кричал он, задыхаясь. Его налитые кровью глаза блуждали по комнате, точно выискивая что-то, пока наконец его взор не приметил висевшую на гвозде плетку. Сорвав ее быстрым движением, он взмахнул ею над спиной девочки... Но в это мгновение хромой юноша, спотыкаясь, чуть ли не падая, ринулся к отцу.

– Не делай этого! Не делай, отец! – умоляюще болезненным выкриком сорвалось с его побелевших губ.

– Молчать! Знай свое место, мозгляк! – загремел великан, наполняя своим голосом не только лесной домик, но и весь старый лес в округности.

Но юноша не испугался. Он схватил огромную руку отца обеими своими худенькими руками и весь бледный шептал, срываясь на каждом слове:

– Вспомни маму! Вспомни маму, отец! Ты не тронешь Ксаню! Не тронешь, не тронешь! Или бей меня, лучше бей меня, но не Ксаню! Ради мамы – не бей Ксаню!..

Он едва стоял на ногах и трясся, как в лихорадке.

А Ксая была спокойна.

Ее побледневшее лицо бесстрашно поднялось на гиганта... Два черных глаза, как две яркие, черные звезды, впивались в его лицо и, казалось, говорили:

– Попробуй меня тронуть! Попробуй только!

Гигант поднял голову и встретил этот смелый, горячий, бесстрашный взгляд.

И новым бешенством закипело его сердце.

– Ах! так вот ты как!

И рука с плеткой взвилась...

– Отец! Отец! Берегись! Покойная мама смотрит на нас с неба и все видит! – послышался истерический вопль хромого, и он заслонил девочку от удара своей тщедушной фигуркой.

Гигант выронил плетку, вздрогнул и повернулся к двери. Зрачки его округлились от ужаса.

Чья-то невидимая фигура шевелилась в темных сенях.

– Она!.. Жена!.. Маша! – зашевелились беззвучно губы гиганта, кривясь в судорожной усмешке. Но вслед затем, рассмотрев стоявшего в дверях человека, он сказал уже спокойно:

– Дмитрий, ты?

На пороге стоял приземистый парень с тупым безбородым лицом.

– Хозяин, поспешай! У широкой поляны лес рубят, – произнес он сиплым голосом и снова исчез в темноте сеней.

Гигант наскоро схватил ружье и, нахлобучив фуражку, выскочил за ним следом.

Но, подумав немного, он вернулся, плотно запер дверь и два раза повернул ключ в замке снаружи.

– Опять в западне! – гневно крикнула Ксая, как только она и хромой мальчик остались одни. – Опять мы под ключом, Василий! Какая мерзость!

– Молчи, Ксая! Могло бы быть и хуже! – произнес хромой, и глаза его договорили то, о чем молчал язык.

– Ударить меня! Меня! О-о! Нет, этого нельзя! – и угрюмее засверкали черные глаза девочки. – Этого я не позволю!

И она бешено топнула ногой.

– Ну, полно, полно! Перестань! – ласково говорил хромой, поглаживая костлявыми, исхудалыми пальцами спутанную чернокудрую головку. – Хорошо, что отца позвали... Теперь он долго не вернется... Давай пойдем-ка взглянуть на наше сокровище. Мы ведь не кончили того, что прислал третьего дня Виктор!

Точно луч солнца скользнул по лицу Ксении и чудесно осветил его. Угрюмое выражение затравленного зверька исчезло с ее личика, и оно разом засияло мягкой, чарующей красотой.

– Да, да, Вася! Идем скорее!

Они схватились за руки и спешно, насколько позволяла искалеченная нога больного, прошли в дальний угол комнаты.

Хромой толкнул крошечную дверку. Она растворилась, жалобно скрипя на ржавых петлях, и они очутились в узенькой каморке, наполовину занятой убогой постелью.

Хромой подошел к постели и отбросил рукой тощий матрац. На деревянных досках кровати лежали книги. Они покоились, аккуратно и заботливо разложенные на досках кровати.

– Вот! Видишь, что я придумал. Здесь он не найдет их ни за что на свете. А в комодке мог наткнуться! Понимаешь? – лукаво произнес хромой и, осторожно взяв одну из книг, вышел из каморки в сопровождении Ксани.

Очутившись снова в первой комнате, они уселись около старого, почерневшего от времени стола, прибавили света в кривобокой лампе, и хромой Василий, раскрыв книгу, стал читать вслух.

Замирая от восторга, вся – трепет и внимание, Ксенья ловила с жадностью каждое слово чтеца. Черные глаза ее горели счастьем, сердце замирало от удовольствия. Недавняя обида сурового дяди была забыта...

А кругом маленького домика лесничего шумел старый лес и нашептывал другие сказки, другие были, которым не было, казалось, ни начала, ни конца...

Глава IV

Кто они были?

Вот что рассказывал старый лес.

Это было за двенадцать лет до происшествия у Чертовой пасти.

В маленьком лесном домике умер лесничий, наблюдавший за старым лесом, принадлежащим богатому помещику, жившему постоянно за границей и только изредка заглядывавшему на родину.

Узнав о смерти лесничего, хозяин леса приехал в свое владение. Надо было найти нового сторожа, чтобы доверить его надзору все лесные богатства в виде гигантов дубов, исполинских сосен и кудрявых, стройных, женственно-нежных березок, которыми было полно лесное царство. И вот неожиданно предстал перед владельцем леса человек огромного роста, мрачный и угрюмой внешности.

– Сударь, возьмите меня на место покойного лесничего! – сурово произнес он, глядя исподлобья на хозяина-лесовладельца.

Тот удивленно взглянул на него. В угрюмой внешности незнакомца, несмотря на грубую и сильно поношенную одежду, было что-то такое, что показывало, что он человек, очевидно, не простой. Хозяин удивился.

– Милейший, – произнес хозяин леса, изумленно глядя на огромную фигуру и суровое лицо гиганта, – место лесничего оплачивается скудно. И притом я полагаю, что вам поминуться с вечным прозябанием в глуши, в убогом домишке сторожа вряд ли будет по нутру...

– Будет по нутру! – угрюмым эхом отозвался гигант, – хотя я дворянин и сам был землевладельцем когда-то, но теперь я нищий, все потерял, разорился и вот я принужден искать места.

Владелец леса был удивлен.

– Но бывшему помещику и дворянину могло бы найтись иное, более подходящее занятие, – проговорил он.

– Я не ищу иного. Подальше от людей и ближе к природе. Люди обманут. Люди продажны. Природа – нет... Люди, друзья сделали меня нищим, пустив по миру с женою и ребенком, и я ненавижу их за это всей душой... В лесу, как дикий зверь в берлоге, я спрячусь с семьею, и они не увидят меня... А за ваш лес вы не бойтесь. Я буду хороший сторож. Я честен и беспощаден. Ни одного деревца, ни единой ветки не позволю я срубить из вашего леса, сударь. Будьте покойны. Подлые вору забудут дорогу в ваш лес, познакомившись с этой рукой...

И, мрачно блеснув глазами, гигант вытянул руку, сжал ее в исполинский кулак и этим жилистым, огромным кулаком погрозил кому-то в пространство.

Лесовладелец окинул еще раз быстрым взором его внушительную фигуру и произнес мысленно:

«У старого лесничего ближние мужики крали из-под носа лес. Это видно по срубленным пням на опушке. У этого не посмеют. У него вид страшилища-великана из детской сказки. А что честный он человек – видно по лицу, по глазам, угрюмым и строгим. Возьму его к себе».

И тотчас же договор был заключен, наем состоялся, и новый лесничий, Николай Норов, поселился в лесном домике со всею семьею.

Их было трое взрослых и двое детей: жена лесничего, Мария Норова, южанка, уроженка далеких Бессарабских степей, их сын Вася, пятилетний мальчик, живой портрет матери, но хромой от рождения, нежный и хрупкий, как девочка, и молодая вдова, Антонина Марко, подруга Норовой, с трехлетней девочкой Ксаней.

Черноглазая стройная красавица с огненным взором и матово-бледным лицом, Марко с детства не разлучалась со своей подругой Марией Норовой и жила постоянно с ними. Она тоже приехала из Бессарабии, где она перебивалась со смерти мужа с хлеба на квас, часто терпя нужду и голод.

Когда Норовы, у которых в Бессарабии было большое имение, разорились, благодаря бесчестным людям, обманувшим доверие Николая Норова, и все бывшие друзья отвернулись от них, маленькая семья решила уехать с родного юга искать счастья на севере. Антонина Марко, не раздумывая ни минуты, поехала вместе с ними.

Трогательная дружба была между обеими молодыми женщинами. Это были точно родные, любящие друг дружку сестры, хотя Марко внешностью и нравом резко отличалась от Марии Норовой.

Странная была эта Марко. Что-то горячее, цыганское, было в ее лице, в ее резкой, горланной речи, в ее дивном грудном голосе, которым она то читала наизусть стихи, то распевала песни, такие же таинственные и прекрасные, как и она сама.

О ней ходили странные слухи. Окрестные крестьяне часто видели ее высокую, тонкую и прямую фигуру, скользкую, как призрак, по лесу, похожую на какое-то сверхъестественное существо. То она появлялась в каком-то странном, белом костюме и со спущенными до пят локонами бродила между деревьями и кустами, беззвучно шепча что-то и сопровождая таинственный шепот широкими движениями руки. И при этом глаза ее, черные, огромные, горящие ярким огнем, как-то растерянно блуждали кругом.

То опять, одетая в пестрое, яркое платье, с включенными волосами она бегала по лесу и напевала песни, от которых точно вздрагивал и замирал восторгом старый лес...

Иной раз опять, вырядившись, точно на бал или праздник, она брала на руки свою маленькую дочурку Ксаню, отправлялась с ней в самую чащу леса, ставила малютку на пень, а сама, кружась, прыгая и танцуя вокруг нее, громко-громко произносила какие-то длинные речи, нарушая этим зачарованную тишь мирного лесного царства.

Загадочным казалось крестьянам поведение «чужой», черноглазой и черноволосой женщины. Кто-то пустил слух, что она колдунья, с лешим в родстве находится. Этого было достаточно для темных суеверных жителей отдаленной лесной глуши, веривших в домовых и леших, чтобы сразу же решить, что молодая женщина в родстве с лешим, что она лесная колдунья.

И с тех пор ее не стали в своих разговорах называть иначе, как «лешей» или «лесной колдуньей».

– Колдует лешая! Опять колдует! Быть беде! – шептали в страхе крестьяне, в паническом ужасе глядя на эту странную, как призрак скользкую по лесу, фигуру.

Иногда в смуглых руках «колдуньи» они видели книгу или тетрадь, и тогда их суеверному ужасу не было предела.

– За чернокнижие взялась, быть беде! Изведет нас всех проклятая колдунья! – шептали они, сворачивая с дороги во избежание встречи со странным существом.

Как раз в первый же год водворения в лесу нового сторожа в деревне, лежавшей в трех верстах от леса, случился падеж скота.

Крестьяне решили, что всему горю причиной проклятая колдунья, что бродит она по лесу и своими чарами и заклятиями убивает скот.

– Микола Мартынович, – обратились они к новому лесничему, – ты прогони колдунью, пока не околдует, не изгубит нас и наших детей. Прогони, а не то мы ее сами порешим... Быть беде!..

Лесничий угрюмо мотнул головой, ничего не ответил, но передал в тот же вечер жене и ее подруге разговор с крестьянами.

– О, глупые! Они не могут понять, им не разъяснить моих действий. Что делать? – тревожно обратилась Марко к своим друзьям.

– Тебе надо уехать! Ничего другого не остается... И чем скорее, тем лучше... Медлить нельзя! Уезжай, дорогая... Крестьяне озлоблены теперь и Бог знает на что способны! – вся встревожившись, советовала Мария Норова своей подруге. – Тебе и так не место в этой глуши... Поезжай «туда»... к своему счастью, Тоня, дорогая! Отдайся тому, что манит и влечет тебя неудержимо. А когда соберешься с силами, создашь себе имя «там», приезжай навестить нас, милая моя «лесная колдунья»...

И на губах Марии Норовой заиграла бледная улыбка.

– Но ты... как ты останешься без меня, Маня, дорогая? – протестовала Марко.

– У Марьи есть муж... – угрюмо отвечал за жену лесничий. – Этот муж сумеет уберечь ее...

– Тогда я еду! – решительно заявила Антонина, – но не потому еду, что испугалась угрозы невежественных людей, принявших меня за колдунью, а потому, что считаю себя не вправе висеть на шее у вас, друзья, когда вы сами переживаете лишения и беды, и потому, что не хочу подвергать вас опасности... Еду и беру с собою Ксаню.

Ее черные цыганские глаза блеснули решительным огнем.

– Что ты! Что ты, Тоня, брать ребенка неведомо куда! Подвергать его невзгодам и опасностям кочевой жизни! Ни за что! Ксаня останется с нами!

– Ты хочешь, чтобы я рассталась с Ксаней! – бледнее прошептала та. Нет, нет!

– Тоня, моя дорогая... Не беспокойся о Ксане... Мы с мужем сохраним твою дочурку... Даю тебе слово... Нет, больше того, клянусь тебе именем Бога, что твоя Ксаня будет воспитана мною наравне с Васей. И если, не дан Бог, умру, с мужа возьму ту же клятву. Поезжай без страха: твоя девочка останется в надежных руках.

Антонина Марко взглянула на подругу. Нежные щеки Марии горели ярким румянцем. Ее глаза блестели такой неотразимой нежностью и готовностью сдержать свято свою клятву, что Марко успокоилась разом.

– Да, ты права, – проговорила она горячо и убежденно, с ясною верою в свои слова. – С Ксаней мне будет трудно... Ее надо оставить, раз ты так советуешь... Я уеду одна, уеду искать счастья для моей Ксани... для моей девчушки... Я верю, что из меня выйдет прок, и скоро, скоро моя девочка получит все то, чем пользуются богатые, знатные дети. Уеду работать для моей Ксани.

И вскоре после этого разговора исчезла лесная колдунья, в последний раз с рыданием прижав чернокудрую головку своего ребенка к груди...

Успокоились крестьяне. Не скользит больше стройный призрак по зеленому мху старого леса...

При жизни Норовой от Антонины Марко письма приходили в первые месяцы довольно часто из разных мест. Но затем переписка прекратилась, и с тех пор не было получено ни одного письма.

– Бедная Тоня! – говорила лесничиха. – Где она? Что с нею?

Она послала несколько писем по последнему адресу подруги, но спустя несколько месяцев все эти письма получены были обратно с надписью: «Антонина Марко выбыла неизвестно куда». Все старания Норовой узнать, где находится Марко, были тщетны.

– Не может быть, чтобы Тоня бросила своего ребенка, забыла о нем... говорила лесничиха и еще нежнее полюбила маленькую дочурку своей подруги.

– Ксаня теперь одна на свете, – повторяла часто Норова, – и моя обязанность заменить ей мать.

И она окружила девочку самыми нежными заботами.

Так продолжалось два года, как вдруг молодая лесничиха, сраженная недолгим недугом, умерла.

За несколько минут до смерти она позвала мужа и потребовала от него, чтобы он поклялся, что не оставит Ксани и будет воспитывать ее наравне с их сыном.

Николай Норов, несмотря на кажущуюся суровость, горячо любил жену. Он исполнил желание умирающей, повторил за ней слова клятвы, а через три дня опустил в могилу на деревенском кладбище труп любимой жены.

Разорение, смерть жены, все ужасы пережитого горя сразили лесничего: Норов запил. Во хмелю он был грозен и шумлив, проклинал свою жизнь, бранил весь мир, бил и ломал вдребезги попадавшие под руку вещи.

Двое испуганных детей: бледный хромой семилетний мальчик и пятилетняя девчушка с очаровательным цыганским личиком, со страхом забивались в угол и оттуда полными ужаса глазенками следили за разбушевавшимся лесником.

Хозяйство шло вкривь и вкось. Работник-помощник, взятый Норовым, кое-как приглядывал за детьми, кормил их горячей похлебкой, когда было время ее сварить, а то ограничивался подачкой в виде ломтей черного хлеба, который дети съедали наскоро, забившись в темном уголку.

Время шло. Хилый, болезненный и хромой мальчик и румяная, смуглая крепыш-девочка жили душа в душу. Они поверяли свои маленькие горести и заботы друг другу, утешали один другого, как умели и могли.

Николай Норов не сдержал слова, данного жене у ее смертного ложа. Не нежным отцом, а суровым отчимом явился он для Ксани. Озлобленный своей несчастливой судьбою и незадавшимся болезненным и хилым калекой-сыном, он невольно каждый раз при виде сильной и крепенькой девочки, хорошенькой и здоровевшей не по дням, а по часам, задыхался от боли, гнева и обиды. Сильно и жестоко насмеялась над ним судьба: его собственный сын – жалкий ходячий недуг, а рядом – этот пышно расцветающий махровый дикий цветок леса!

Нечего сказать, добрым помощником будет ему его Василий!..

И он ненавидел девочку, ненавидел помимо собственной воли и несправедливо, сурово обращался с нею.

– У-у! глазастая цыганка! Дармоедка! – не раз слышала от него Ксаня неистовый крик и брань под пьяную руку.

Ненависть Норова к пышно расцветающей девочке росла с каждым годом.

И все большим и большим ожесточением проникалась душа лесника по отношению к одинокому ребенку, о матери которого не было ни слуха ни духа.

Пока Вася был дома, отец его встречал в сыне ярого защитника маленькой Ксани. Вася помнил слово, данное отцом его умирающей матери, и постоянной была фраза чуткого, смелого мальчика в минуту гневных припадков отца:

– Папа, не обижай Ксаню! Ты обещал это маме, помнишь! Ты клялся ей, что будешь ее любить как родную дочь.

И сурово поникала на грудь в такие минуты голова Норова, и он уходил, что-то сердито ворча себе под нос.

Так было до тех пор, пока хромому не исполнилось десять лет, и отец не отвез его в губернский город в училище. Тут-то и началась мучительная жизнь для Ксани. Лесничий дал полную волю своему разбушевавшемуся гневу и злобе на маленького приемыша и жестоко наказывал бедную Ксаню за малейшую провинность.

К несчастью, девочка обладала далеко не мягким характером. От брани, толчков и побоев ее глаза разгорались дикими огоньками, лицо принимало хищное, угрожающее выражение.

Вся трепещущая она убегала в лес, в глубь его, в самую чащу, громко крича дикие угрозы по адресу злого дяди.

Крестьяне, проезжавшие по лесной дороге, видели крошечную фигурку девочки, ее исподлобья, как у загнанного зверька, сверкающие глазенки, ее иссиня-черные кудри, спутанные на лбу, и говорили в суеверном страхе:

– Ишь, колдунья-то сама ушла, побоялась, но оставила дочку нам на горе, ведьма нечистая... Дождемся еще – подрастет малая, покажет нам свою силу... Польются не раз из-за ведьмовой дочки слезы людские...

И каждый старался уколоть, оскорбить, обидеть чем-нибудь ни в чем неповинную девочку. Не только взрослые, но и маленькие крестьянские ребятишки травили Ксению, как волчонка, кричали ей вслед бранные слова, называли «колдуньей» и «лесовичкой».

Норов не верил ни в колдунов, ни в леших, ни в лесовиков. Он не мог поэтому разделять суеверного взгляда невежественных крестьян на несчастную девочку, тем более, что хорошо знал, кто она такая. И все-таки под злую руку, обуреваемый винными парами, кричал на нее, топая ногой:

– Змееныш!.. Колдовское отродье! Лесовичка негодная!..

Хотя, конечно, в душе он вовсе не считал ее ни колдуньей, ни лесовичкой.

* * *

Между тем Вася после четырех лет ученья в губернском городе вернулся в лесной домик еще более ослабевший от городской жизни, но окрепший духом, с новыми впечатлениями и безумной любовью к живому книжному слову.

Ксане было тогда двенадцать лет. С прекрасным, свежим личиком, дикая, ожесточенная и упрямая девочка показалась Васе лесным загнанным зверьком. Она встретила недоверчиво своего недавнего друга.

«Пожалуй, загордился ученостью, кичиться станет, важничать. Ну и шут с ним тогда совсем!» – закружилась в ее мозгу подозрительная мысль при первом же свидании с Васей.

Но четырнадцатилетний Василий не «важничал», не гордился. Напротив, он горячо отнесся к своему маленькому другу и с первых же дней принялся за умственное развитие Ксении. Что знал сам, все старался передать ей, тайком от отца, в тихие, длинные ночи, когда лесничий, заперев на ночь свою сторожку на ключ, уходил на ночной дозор по лесу.

Вскоре под руководством своего друга маленькая Ксаня выучилась читать и писать. Выучилась и кой-чему другому, узнала о разных странах и народах, о чужих землях и о том, что было за много веков на Руси великой. Все то, что вынес хромой мальчик из четырех-классной школы, – все передал он своей смуглой подружке.

Неожиданная и счастливая встреча с гимназистом Виктором, сыном графского управляющего, еще больше пододвинула вперед дело развития Ксани.

Кудрявая смуглая девочка и юноша-гимназист из «Розового», как называлось имение графа Хвалынского, находившееся в трех верстах от опушки леса, встретились случайно у Чертовой пасти и разговорились. Из этого первого разговора Ксаня узнала, что Виктор Мурин не боится ее, не считает колдовским отродьем, как ее деревенские враги; больше того – не верит ни в какое колдовство, ни в какие чары, потому что читает умные книги и учится по ним, и знает из них, что нет на свете ни леших, ни домовых, ни русалок, ни лесовиков, ни лесовичек, ни прочей нечисти.

И книг у него много – целый шкаф, целое богатство.

– Хочешь, буду давать тебе читать? – предложил он девочке. – Приходи в Розовое за ними.

Глаза Ксани заискрились восторгом. Она, благодаря своему учителю Васе, знала уже прелесть печатного слова, и вся так и загорелась счастьем.

– Хорошо... приду... не надуй только! – буркнула она себе под нос и помчалась в чашу, как дикий, нелюдимый зверек.

И пришла в тот же вечер.

Виктор не обманул Ксаню. Он стал давать ей книги без счета, каждый раз у ограды управительского домика, за углом. В дом она не входила, боясь встречи с людьми и опасаясь их насмешек.

С жадностью пробегали эти книги в лесной сторожке хромой мальчик и черноглазая девочка. Прочитывали, поглощая страницу за страницей, и Ксаня несла обратно книги в Розовое, чтобы получить другие.

Новая жизнь открывалась перед нею, и вся злоба и обида уходили куда-то далеко, далеко в такие минуты из ее ожесточенной маленькой души.

То были сладкие, радостные мгновения.

Глава V

Лес колдует. Тайна разоблачена

Был вечер... Дремал старый лес... Затихли очарованные июньскими сумерками великаны-деревья, затихли кузнечики в пышной траве... Ветерок застыл меж ветвей лиственниц, околдованный той же тишиной... Словно непонятные чары струились в зеленовато-синем пространстве леса с пушистых верхушек исполинов-дерев, с мягкой и мшистой травы и моха...

По лесной дороге шла Ксая.

Короткая юбочка, чистый фартук, грубые кожаные башмаки, старенькая, во многих местах заплатанная кофточка и ярко-красный платочек поверх смоляной головки – единственная роскошь ее убогого костюма, – вот и весь наряд «лесной девочки», как называл ее сын управляющего, Виктор, или «лесовички», как звали ее крестьяне.

«Лесная девочка» шла в Розовое. Шла под вечер, чтобы никто ее не заметил в графской усадьбе. В смуглой руке она держала пачку книг – милых книг, которые несла обменять на другие, неведомые.

Ксая шла легко и быстро, подпрыгивая, как коза, с упоением вдыхая в себя свежий смолистый запах и глядя разгоревшимися от удовольствия глазами по сторонам. Лес колдовал своей зачарованной тишиной, милый, старый лес, который она знает вдоль и поперек и в чашу которого ее влечет всегда неодолимо.

Милый, старый лес! Каждая былинка ей в нем знакома, каждая травка. Она знает, где находится гнездо старой иволги, знает дупло лисички, знает, где водятся выводки диких уток и куропаток над лесной топью... Все огромные исполинские муравьиные кучи знает наперечет. Нет нужды, что велик старый лес: она его избегала вдоль и поперек, беспечно напевая себе под нос, иногда со старым дядиным ружьем, унесенным потихоньку, то учась стрелять по уткам и тетеревам, то мастерски передразнивая крик кукушки, ястреба, иволги. А иной раз, когда соберутся за ягодами жарким июньским днем крестьянские ребяташки, она нарочно опередит их, запрядется в кустах и, шутки ради, стонет и воет страшным голосом оттуда, точно настоящая лесная колдунья. Дети в ужасе, побросав кузовки от грибов и ягод, несутся чуть живые от страха врассыпную. А она за ними: свищет, гикает, хлопает в ладоши, хохочет дико, страшно, на весь лес.

– Лесовичка! – в испуге вопят ребяташки и стрелой мчатся от нее.

Ксая злорадствует: «отомстила»!..

Они ее травят, мучают, грозят поколотить, когда она выходит из своего леса за съестными припасами в деревню, – так вот им за это. До смерти напугает их. Она – сердитая, мстительная, злая. Она не простит. Лесовичка ведь она.

Порой ей и самой кажется, что она лесовичка. У других детей есть отец, мать, братья, сестры, родственники. А у нее никого... Откуда она? Не знает Ксая.

И кажется ей порой, что вышла она из дупла старого дуба... Вышла прямо на лесную поляну и стала жить... Старый лес ее отец. Смолистый воздух кинул и румянец в ее щеки, и жгучий огонь в черные глаза... Лес же дал ей эту силу и смелость, и ловкость руке, и быстроту ногам. И бесстрашной сделал ее старый лес. Ничего она не боится. Ничего! Ночью на кладбище пойдет и мертвецов вызывать станет, в дикой пляске готова кружиться с ними. Или ночью же в самую чашу леса пойдет, дразнит старого лешего, вызывает смуглых зеленокудых дочек его играть с ней, вызывает и... смеется... Любо ей, любо ждать их и замирать от непонятной сладкой радости в надежде быть услышанной ими. Но они не приходят, – не хотят... Она не их... Она им чужая...

Кто же она, в самом деле? Спрашивала Василия – молчит Вася... Да разве он знает?

Точно сквозь туман припоминает она женщину чудную, легкую, гибкую, как пруттик, – вот-вот переломится... Красавицу мать свою припоминает Ксаня... Давно это было, лет двенадцать назад, а то и больше. Носила ее мать по лесу, прижимала к груди, а сама не то говорила, не то пела... Или другой раз разодетая в белое платье, нарядная, изящная понесет ее, Ксаню, в самую чащу леса, поставит на пень, а сама ходит кругом, что-то странное говорит, то плачет, то смеется, руками машет, то к земле припадет, то опять вскочит на ноги, обоймет Ксаню и нежно-нежно целует и в лоб, и в щеки, и в глаза.

Помнит Ксая эти поцелуи. Как сказка старого леса приятны ей они... Где теперь мама? Далеко она. Уехала, счастья искать уехала... Не вернется... Дядя Николай говорит – не вернется... Далеко уехала.

– Мама ты моя, мама! – вырывается иногда из уст девочки, и напряженная тоскливая дума роет горячую головку под смоляными кудрями... Личико Ксани становится тогда невыразимо грустным...

А кругом лес колдует...

Колдует лес...

* * *

– Вот тебе одна книга, вот другая, вот третья. Прочти все... особенно эту, про демона, про дьявола, который на землю слезал, монахиню смущал... На, держи...

– Викторинька!

– То-то Викторинька. Рада, небось... Глазенки сверкают... А «Капитанскую дочку» прочла?

– Прочла... Досадно, что храброго капитана убили.

– Уж и досадно!

– Ей-Богу... А про демона как же?

– Ладно, прочтешь и узнаешь. Книги можешь дольше задержать... У тебя в сохранности, знаю.

И высокий сероглазый гимназист лет 16, здоровый, мускулистый и стройный, с открытым красивым лицом и веселым взором, кивнул Ксане.

– Прощай! А вечером придешь на праздник взглянуть? – неожиданно добавил он, оставив девочку.

– На праздник? – вырвалось изумленным звуком у той. – На какой праздник?

– Вот чудная! Ничего не знаешь! – и гимназист весело рассмеялся... Лесовичка и впрямь!.. Не даром тебя дразнят люди... Кроме своего леса, ничего знать не хочешь... Вот что: для графинюшки Наты устроен бал в замке... Слыхала, небось, что графинюшка приехала? Десять лет дома не была. Все по заграницам лечилась. Видишь, ей наш климат вреден, но теперь, как переехали графы сюда в Розовое, то нашли, что графинюшку можно воспитать и на родине, дома... И вернули... Ну, вот для нее и праздник устроили... Соседи все съедутся... Нарядные, богачи. Фу-ты, ну-ты!

При этих словах гимназист презрительно свистнул и добавил:

– Не люблю я, когда гости у нас. Наши «графинята» еще больше нос тогда задирают... Бестолочь! Кичатся, а чего? – сами не знают... Крестьян из Соневки позвали на розовую лужайку... Пироги для них пекут, пива наварили... Угощение будет мое почтение, тру-ля-ля... Приходи!

– А никто не увидит?

– Платочек надень – не узнают, или большую шаль... У тебя есть такая, знаю, от матери осталась... Ведь верно есть? Приходи...

– Приду.

И кивнув, в свою очередь, головой мальчику, Ксая ринулась было к двери. Ей послышались в соседней комнате управительского дома чьи-то легкие крадущиеся шаги...

Сегодня она, по желанию сына управляющего, Виктора, отважилась в первый раз проникнуть в самый дом управляющего, где жил в летнее время у отца гимназист Витя Мурин. Надо было спешить: неровен час – нагрянут...

Уже Ксая была на пороге, когда мальчик, точно осененный вдруг какой-то лукавой мыслью, сказал, значительно глядя на свою гостью:

– Ты про приключение слыхала?

– Про какое приключение?..

– Да про графское... Их в ту грозовую ночь, пять дней тому назад, лошади понесли на самую на Чертову пасть... Думали – конец пришел... Молодая графинюшка сразу того... «ахи! охи! унеси мои потрохи!» Плачет и кричит: «дайте хоть на копеечку еще пожить!» и тому подобное... Вдруг выстрел прямо в лоб коренной... Коренная бац... Графинюшка «ах!», граф «ох» и давай спрашивать «кто стрелял?» И прыг да скок из своего корыта. Но так и не узнал, кто стрелял... Оказалось, нечистая сила стреляла... Какая-то черная фигура, ростом с маринованную корюшку, и свое имя не говорит... Таинственный незнакомец... Кум дьявола!.. И шут его знает еще кто! На все вопросы молчит или мычит, или сопит, что-нибудь в этом роде... А кучер Андрон и ляпни: «Лесовичка!»

И выкрикнув последнее слово страшным голосом, Виктор так скосил глаза, что другая на месте Ксани расхохоталась бы без удержу, но ей было не до того и она молча ждала продолжения рассказа.

Виктор испытующе глядел на Ксаню и многозначительно свистел себе под нос.

Ксая вертела конец фартука в руках и, глядя исподлобья на своего друга, кусала губы.

Молодой Мурин все смотрел на нее, посвистывая, наконец захохотал во все горло:

– А ведь графа-то и его дочку спасла ты! И никто этого не подозревает! Ни один нос! Даже Андрон и тот думает, что это была другая лесовичка... Их ведь, по его мнению, много в лесу водится...

– Идет кто-то! – вскрикнула вдруг Ксая, с быстротой молнии шарахнулась в сторону, перепрыгнула через окно, прямо в сад, в цветник на душистую клумбу и пустилась стрелою, сломя голову, по лугу к лесу, к старому лесу, который один мог укрыть ее от людей...

Сердце Ксани стучало. Кровь непрерывно била в виски. В голове шумело...

О, только бы они не узнали! Только бы не узнали господ, что это сделала она. Ибо тогда они наверное позовут ее к себе, станут допытываться, благодарить, награждать, хвалить... Нет, нет, подальше от этих графов... Не хочет она ни похвал, ни наград их... Смеяться они над ней будут, смеяться, что она ни стоять ни сидеть, ни рук держать не умеет как надо, по-«ихнему». И говорить не умеет, как они... Бог с ними! Не надо с ними встречаться... Не надо! Она лесная девочка, лесовичка. Что общего у нее с ними, с богачами, с барами Хвалынскими? Но, может быть, не узнают?.. И впрямь не узнают. Лишь бы Виктор не выдал... Небось, он-то догадался сразу, что это она была... Только бы молчал! Надо ему за это живого ежа или птенца горленки приволочь из леса. Пусть тешится и молчит!

Ксая бежала без оглядки, быстро, боясь оглянуться назад... А вдруг гонятся за ней? Нагонят, вернут, связанную вернут насильно и приведут в усадьбу... Срамота!

Опушка! Лес! Слава Богу! Еще один прыжок, и девочка с наслаждением растянулась на мягкой траве.

Ее ноги чуть притомились от бега, но мысли все работали и работали быстрее прежнего.

«И зачем приехали эти графы сюда весной... Десять лет не наезжали... И вдруг как снег на голову: и граф, и графиня, и дети! Точно с неба упали... Ожило Розовое... И какое имя-то глупое усадьбе дали! – возмущалась мысленно Ксая... – Отчего не Белое, не Зеленое, не Рыжее? Ляд их разберет! Правда, графиня, говорят, до смертушки розы любит и их вокруг дома тьма-тьмушая, страсть сколько! Оттого будто бы и „Розовым“ прозвали!»

Ксая повела носом и характерно фыркнула. Она помнила, что усадьбу, как и соседнюю с ней деревню, звали, пока она стояла заколоченная и пустая, Соневкой, а тут вот поди ж ты, Розовое откуда-то взялось!

Ксания злилась. Ей хотелось взглянуть на праздник хоть издали, не подходя близко, а теперь все кончено – рухнули ее мечты! Теперь, когда граф догадался, кто их спаситель, он будет искать ее, найдет и... Умрет со стыда перед важными господами она – Ксания...

Старый лес понемногу темнел... Серебристая роса покрыла бриллиантовыми блестками цветы и былинки... Еще тише стало кругом... Деревья теряли в темноте свои определенные очертания и казались огромными фантастическими существами. Ксания притихла, зачарованная этой молчаливой лаской леса. В такие минуты смуглая девочка и великаны-деревья, и робкие цветики-былинки как будто заключали между собой красивый и тесный дружеский союз...

Влажная трава нежно льнула к разгоревшемуся личику, освежая его. Вершины деревьев шептали что-то чуть слышно... И разгоряченному воображению лесной девочки стал мерещиться призрак тонкий и воздушный, скользивший к ней навстречу легкой поступью, шелестя по старым опавшим прошлогодним листьям и мху...

– Мама! Мама! – срывается дрожащими звуками с губ лесовички. – Мама! Мама!

Ксания протягивает руки вперед... Она чувствует приближение чего-то светлого и радостного, как сладкий сон юности... Знакомый шелест... Нежный шелест... Но голоса не слышно... Лица не видно. Да Ксания его и не помнит, не знает... К ужасу своему не знает, забыла дорогое лицо... Но она ждет, ждет со сладкой надеждой, вся трепет, вся радость, вся ожидание... Она ожидает ту, к которой так странно влечет ее сердце... Ей мало понятно это чувство, но знакомо, знакомо без конца... Она часто так ожидает свою мать в тишине зачарованных летних ночей... Может быть, это любовь? Но она, Ксания, не умеет любить... Она лесовичка... У нее сердце мохнатое, «в шерсти», как говорят те, кто ее ненавидит...

Ох, хоть бы увидеть, хоть бы вспомнить ее лицо, волосы, глаза!

И целыми часами она ждет и думает про «нее», про свою маму...

– Мама! Мама! Где ты?

Молчат старые дубы... Молчит лес...

Вдруг странный шипящий звук, точно выстрел...

В одну минуту Ксания на ногах.

Грез как не бывало!

Что это? Со стороны графской усадьбы светло... Точно зарево пожара стелется по лужайке. Какой странный пурпуровый огонь! А в черное небо летит змея, длиннохвостая, яркая, горящая, как факел. Взлетела до темных облаков, зловеще шипя и взвиваясь дугой, и посыпались звезды от ее хвоста, яркие, горячие, дивно светлые, как солнце или огонь!

И крики послышались в ту же минуту Ксане. Но не испуганные, не молящие о помощи, а громкие, ликующие, как само торжество.

Что это такое?

Глаза девочки впились в небо, на котором медленно таяла, дробясь на мелкие звезды, длиннохвостая, огненная змея.

Дрогнула Ксания. Глаза расширились от любопытства. Ноздри затрепетали...

Опять выстрел... Вторая змея... Еще длиннее, хвостистее, огнистее первой... И снова золотым снопом сверкающих звезд рассыпалась на землю.

– А-а-а! – каким-то диким звуком полного недоумения, восторга и изумления вырвалось у Ксании, и больше она уже не рассуждала.

Узнать, во что бы то ни стало узнать, что это были за змеи, острым, жгучим желанием закипело в душе девочки. Не размышляя о последствиях, она тем же бешеным галопом, каким примчалась сюда два часа назад, полетела к графской усадьбе, не чуя ног под собой.

Глава VI

Так должно было случиться

Когда Ксания приближалась к розовской лужайке, праздник был уже в полном разгаре. Кроваво-пурпурное пламя бенгальского огня озаряло фантастическим заревом поляну, с уставленными на ней столами, окруженными скамейками. За этими столами пировали крестьяне, одетые нарядно, по-праздничному.

Куски жареной свинины, пироги, бутылки с водкой, ведра с пивом – все живо поглощалось нетребовательным и некапризным на угощение народом. Фонари и поминутно вспыхивающее пламя то красного, то синего, то зеленого огня освещали лужайку. Между столами сновали ребятишки, уплетая пряники и орехи, щедро розданные им графским буфетчиком.

Из господского дома неслись звуки музыки. Целый оркестр, выписанный из губернского города, играл звучные, красивые мелодии балльных танцев.

Сквозь растворенные настежь окна неслись веселые голоса и молодой, радостный смех.

Бал в графской усадьбе был в самом разгаре.

Ксания, робко пробираясь по неосвещенному месту, между деревьями, окружающими лужайку, почти вплотную подошла к ближайшему столу, скрытая от него толстым стволом исполинской липы. Пирующие крестьяне не могли заметить ее. Их покрасневшие лица, их шумные голоса и резкие неуверенные движения говорили за то, что графские гости не обидели себя и воздали должную дань господскому угощению.

Им было теперь не до Ксании. Ребятишки же так занялись между собой, вырывая друг у друга лакомства, что тоже не заметили прихода ненавистной им лесовички.

Она стояла притихшая, ушедшая в себя, в ожидании нового появления огненной змеи, так поразившей ее воображение. Что это могло быть – Ксания не знала. Она ничего подобного не видела еще в своей жизни. Не видела она к таким вкусных яств, под тяжестью которых ломились столы, окруженные пирующими. Бедняжка! Ей, не евшей, кроме похлебок и каши да корок хлеба с молоком и картофелем, ей казались все эти пироги, свинина и пряники у ребят поистине царским угощением. К тому же она была голодна сегодня более чем когда-либо. Длинная двойная прогулка из усадьбы в лес и обратно не могла не поспособствовать назойливо развивающемуся с каждым мгновением аппетиту. Слюнки текли у Ксании, и запах жареной свинины щекотал обоняние; под ложечкой сосало... Чтобы не видеть всех этих соблазнительных вещей, она прижмурила даже веки... Но ненадолго. Одна-две минуты – и глаза ее широко открылись, тихий, чуть слышный крик вырвался из груди.

Что-то необъяснимое творилось перед ней. В воздухе вертелось огненное колесо. Вертелось с неопишуемой быстротой, рассыпая вокруг себя звезды и искры, искры и звезды, без счета, без числа... Что-то стихийно прекрасное было во всей этой быстро вращающейся массе огня, до того прекрасное, что Ксания не выдержала и, вся подгоняемая одним страстным, непреодолимым желанием узнать, во что бы то ни было узнать, что это такое, забыв угрожающую ей опасность быть узнанной, ринулась вперед и в одну секунду очутилась перед чудодейственным колесом, мечущим одновременно и искры, и звезды, и пламя. Огромными глазами, расширенными от изумления и восторга, Ксания смотрела, не отрываясь...

Ей казалось, что какая-то тайная сила движет невидимой рукой колесо и что вот-вот из самого пламени покажется дух огня, царственный и прекрасный, в огненной тиаре, с мечом в руке.

Она забылась до того, что перестала сознавать действительность. Пылкое воображение молодой дикарки, не видевшей в своей лесной трущобе ни фейерверка, ни бенгальского

огня, создавало Бог весть какие фантазии и легенды... Но вот пламя уменьшилось, ослабло и с шипением, выбросив из себя целый сноп искр, погасло разом...

Между тем желтый бенгальский огонь, зажженный на смену красному, озарил местность еще ярче, еще светлее. Стало разом светло, как днем. Осветились лица пирующих, осветились их праздничные яркие одежды, осветились снующие между столами, в ожидании подачек, ребяташки... И все сразу заметили Ксаню, не ожидавшую в эту минуту такого предательства света.

– Лесовичка! Глядите! Лесовичка, братцы, вылезла из своей норы! Лесовичка здесь! Лесовичка! – слышались тут и там голоса не то изумленных неожиданностью, не то злорадствующих и ребяташек, и взрослых крестьян.

«Уйти... убежать скорее... пока не поздно!» – вихрем пронеслось в голове Ксани, и она уже метнулась было в сторону, с явным намерением привести в исполнение свою мысль.

– Куда, колдовская девчонка! Удирать? Нет, шалишь, не уйдешь!

И огромный парень, тяжело поднявшись с края стола, как из-под земли вырос перед Ксаней.

Словно по мановению незримой руки все повскакали со своих мест. Ребяташки с визгом окружили девочку и, приседая, пища и ломаясь, прыгали и вертелись вокруг нее. Взрослые не отставали от них. Глухая ненависть к матери Ксани, которую они считали за колдунью, теперь обрушилась на дочь.

– Приползла-таки, ведьмина дочка, – слышался негодующий возглас рослого парня. – Притащилась на праздник, ишь ты!.. Глазищами так и водит, что пойманная сова!.. А ну-ка, ребяташки, поучите-ка ее! Хорошенько проучите ведьмину дочку, чтобы прошла у нее охота из своей норы выползть!

Сказав это, огромный парень отошел в сторону. На его месте очутились до полутора десятка маленьких фигурок, кричавших, визжавших и хохотавших без удержу.

Ксаня хорошо знала всех этих Машек, Акулек, Васек, Тришек и Анюток. У нее с ними не раз происходили стычки в лесу. Не раз, преследуемые ею, бежали они врассыпную. Теперь все они жаждали только выместить на «поганой лесовичке» все свои обиды...

Как запуганный зверек, прижатая к стволу дерева, стояла посреди всей этой толпы Ксаня. Озаренная догорающим пламенем бенгальского огня, она в самом деле казалась не обыденным, а скорее каким-то сверхъестественным существом. Ее волосы сбились; алый платочек упал с них во время бега, и пышные, черные, блестящие космы сыпались ей пушистыми прядями на лоб, щеки и грудь. Черные, огромные, ослепительные глаза сверкали. Мелкие, блестящие зубы до боли закусил пурпурную нижнюю губу.

В ней в эту минуту было, более чем когда-либо, что-то дикое, странное и хищное...

Дети густой цепью окружили ее со всех сторон. Смуглые, загорелые ручонки потянулись к ней, глазенки сверкали торжествующей злобой. Старшие, успевшие наесться и напиться до отвала, предвкушая интересное зрелище, поджигали ребят. Вино сделало свое дело. Головы затуманились от спиртных паров.

– А ну-ка, сунься!.. Она те отделает!.. Она те покажет!.. Тронь-ка ее!.. Небось, боишься? А ну, а ну, Сенька! Либо ты, Анютка! Э-эх – куды ж вам!.. Каши мало ели... Небось, поджали хвосты!

Так говорил маленький, приземистый мужичок, которого недавно только лесничий оштрафовал за порубку леса и который рад был отомстить теперь ни в чем не повинной девочке.

Анютка и Сенька были двое самых сильных и самых отчаянно смелых ребят в деревне и кичились своей силой.

– Сильны-то сильны, да не больно-то горазды, коли лесовички боязно стало, – подзадоривал детей пьяный мужичонко.

Анютка, на два года старше Сеньки, одних лет с Ксаней, так вся и вспыхнула.

Упрек пришелся ей не в бровь, а в глаз.

– А коли так, так гляди ж на меня, дяденька Семен!

И, прежде чем кто-либо мог выговорить слово, она, дико взвизгнув, подскочила к Ксане и, схватив ее за волосы, изо всей силы дернула их.

Лесовичка испустила дикий крик, крепко схватила за плечи Анютку и оттолкнула ее с такой силой от себя, что та отскочила шагов на пять и грохнулась оземь, ударившись головой о пень.

– А-а-а-а! – не то стоном, не то грозящим криком пронеслось в толпе.

– Доченька моя... Родная моя! Убила тебя!.. Как есть убила до смерти подлая лесовичка! Как есть до смерти! – слышался причитывающий голос бабы Авдотьи, матери Анютки.

И хотя Анютка сейчас же поднялась на ноги и снова рвалась вперед, к лесовичке, Авдотья причитывала над дочкой, как по покойнице, воя и раскачиваясь из стороны в сторону всем телом. Вдруг, озаренная какой-то внезапной мыслью, она кинулась в самую середину толпы и завизжала пронзительно и резко:

– А? Робя! Да что же это значит? А? доколи терпеть будем? А? Она наших детей портить станет... а мы кланяйся да терпи... Ейная мать колдунья была, некрещеная сила, ведьма! Своей ворожкой беды насылала, людям болести, скоту падеж... И доченька тоже будет... Пойдите... наплачемся, ей-ей! Дождемся! Во! Увидаете! Детей спервоначалу наших перебьет, а там за нас!.. Ой, моченьки моей нет!.. Терпеть немоготу... Лесовичка, как есть лесовичка! И глазища, как у дьявола, горят!.. Ох, ох, чур меня, чур!

И, плюнув в сторону, Авдотья усиленно закрестилась широким истовым крестом.

Ксаня стояла молча, гордо закинув голову. Глаза ее сверкали.

– Ты это что же, а? Ребят наших зашибать насмерть стала, а?.. – раздался голос одного из наиболее подвыпивших крестьян, подскочившего к Ксане близко-близко.

Толпа всколыхнулась...

Все, и старики, и женщины, и дети, придвинулись к гордо стоявшей девочке, устремившей свой огненный взор на взбешенную толпу.

– Лесовичка и впрямь! Посмотрите, глазища, как плошки, горят, что у кошки! – послышался чей-то тоненький возглас. – Ведьма, как есть ведьма!

– Ведьма и есть! – подхватили другие, а один прибавил: а что, братцы, слыхал я, что от ведьмы только огнем спастись можно.

– Вестимо огнем, только огнем! – слышались то тут, то там пьяные голоса. – Коли ведьма, к примеру сказать, сгорит сейчас же; коли христианская душенька – не обожжется ни единым пальцем... Уж верно так!.. От старых людей слыхали...

– А что, братцы, коли попытать, а? Толкнуть лесовичку в огонь, и коли того, ну, сгорит, значит, о дьяволом знается, человеческому роду первый враг, – а коли здрава и невредима выйдет, так, значит, того – можно и отпустить на все стороны... А?

Страшными, зловещими звуками пронеслось это предложение подгулявшего мужика.

Будь крестьяне трезвые, они, несмотря на свое суеверие, вряд ли бы отважились на такое дело. Но разгоревшиеся от вина головы соображали туго. Водка – злая сила человечества. Водка превращает народ в зверя. Она делает самых кротких – неистовыми, самых тихих – отчаянными. Водка заставляет человека забывать свое человеческое достоинство и делает его безумным, беспощадным и жестоким.

И у сильно уже подвыпившей толпы созрело ужасное решение. Не в меру выпитая водка делала свое дело.

Неистовствовавшая в воплях и причитаниях мать Анютки подбавляла, как говорится, масла в огонь, громко выражая свою ненависть лесовичке.

– Детей она портит!.. По матери пойдет!.. Скот валить станет!.. Вот увидите скоро!.. Помянете меня!..

Несколько человек потрезвее пробовали, было, уговаривать, успокоить разбушевавшуюся толпу и удержать ее от безумного поступка, но их перекричали другие...

В углу поляны к празднику была наскоро сложена огромная кирпичная печь. В ней пекли пироги для соневских мужиков. Печь, накаленная докрасна, зияла огненной пещерой среди уголка луговой площадки. Около нее сновали две бабы, стряпухи, из крестьянок, повязанные платками, с раскрасневшимися лицами, похожие на двух жриц огня, священнодействующих подле кровависто-огненной пещеры.

Точно по команде повернулись головы крестьян к этой печи.

Словно одна и та же мысль пронизала мозг всех мужиков и баб, озлобленных, негодующих и иступленных.

– Вот... вот... – слышалось из толпы неуверенным, срывающимся звуком... – Вот, вот... испробовать надо-ть бы. Ефим верно сказывал: коли христианская душенька, Господь не попустит, огонь не сожжет, коли ведьма, дьяволеныш, лесовичка... туда ей и дорога!

– Туда и дорога! – не то простонала, не то ахнула толпа и придвинулась к Ксане, окружив ее со всех сторон.

Сердце замерло в груди Ксани. Лицо мертвенно побледнело... Колющий холодок прошелся по ее телу зябкими мурашками. Смертельная опасность встала перед ней...

В глухой деревне, отстоявшей от города около ста верст и более семидесяти верст от станции, где дикий и невежественный народ еще слепо и глухо верил в русалок, леших, упырей и домовых, нельзя было ждать пощады для бедной девушки, которую считали за ведьму, за колдунью; в особенности нельзя было ждать пощады теперь, когда винные пары кружили всем головы. Ксаня сознавала это.

Правда, у этих людей нет прямого намерения лишить ее жизни; они просто хотят только испытать, лесовичка ли она. Но как «испытать» – огнем!

Испытать!

Ксаня отлично знает, что значит это «испытание». Из их угрожающих криков она поняла все!.. Какой ужас! О, зачем она пришла сюда!

Если бы она умела молиться, она бы молилась... Но о Боге Ксаня имела какое-то странное, неопределенное понятие. Василий говорил ей: «Бог это сила и высота! Кто Ему молится и просит Его, тому Он помогает, потому Он Милосерд»... Но она не умеет молиться... Ее никто не учил... Ее душа такая, как и у птицы... Темная, маленькая душа...

А крики растут... Крестьяне кричат, точно стараясь перекричать друг друга... Их голоса зловещи... С их криками сливается визг детей и баб и так и сверлит уши...

Взглянула Ксаня на небо... Вызвездило оно... Миллиарды звезд на нем, ласковых, кротких... А над ними Бог! Там над звездами Его престол – так Вася говорит... Видит ли Он ее? И если видит – поможет ли ей, Ксане?

А может быть, не только Он, и мама видит... Может, и мама, и ее мама там, на небе, между ангелами или среди звезд... Ведь умерла она, наверное, умерла... Коли нет целых двенадцать лет весточки от нее – значит, умерла мама... Умерла и... обратилась, может, в ту далекую звезду и светит, и смотрит, и видит...

– Мама! Мама! – помимо воли отчаянно крикнула Ксаня и протянула руки к небу.

– Ишь ты! Заклинает... маму кличет... Ну, берегись, робя!.. Сейчас явится бесова ведьма дочку выручать, – неистово гаркнул чей-то нетрезвый голос, покрыв своим зычным звуком все остальные голоса.

– Ну, робя, тащи девчонку к огню!.. Поглядим, пойдет ли ведьма-матка доченьку спасать...

Анютка первая подскочила к Ксане.

– Иди, поганая лесовичка! – толкнула она ее от дерева.

Толкнули и другие. Забежали сбоку, сзади и, толкая все вперед и вперед, тащили ее прямо к печи...

Напрасно благоразумные, более трезвые из крестьян громко увещевали остальных не брать на душу греха... Темная сила торжествовала...

Ксаню тащили...

Она не упиралась, не протестовала, она не боялась даже... Звезды улыбались ей издали, кивали, словно шептали:

– Ничего, девочка, ничего!.. Скоро, скоро соединишься с мамой!

Но что это?

Какой свет! Какое пламя!

Ксания взглянула вперед и обмерла. Огненная пещера была теперь в двух шагах от нее. Какой жар!.. Какое прожигающее даже на расстоянии пламя.

Ксания дико вскрикнула и попятилась.

– Нет! Нет, ни за что! Не ведьма я! Не лесовичка! Пустите! Пустите!..

– А вот увидим! Испытаем! Господь не попустит, коли права! Лезь сама в огонь, что ли! – кричат десять голосов в самое ухо Ксании со злобой и ненавистью.

Замерла Ксания... Ни чувств, ни мыслей... Один сплошной ужас... Пестрят одежды, белеют лица – не разобрать... Смертельный ужас покрывает все... А пламя рвется из жерла, горячее, стихийное...

Еще минута – и Ксания, подхваченная руками десятка освирепевших, пьяных мужиков, будет брошена в самое жерло...

Вдруг какой-то странный, тонкий, нежный, но громкий и властный голос раздается позади толпы:

– Пустите меня, пустите!

И две женщины с усилием проталкиваются. Одна высокая, костлявая, в наколке на седых волосах; другая – молодая, вся в белом, вся прелесть и воплощение семнадцатилетней весны.

– Что за шум? Что случилось?

И молодая девушка, опираясь на руку своей компаньонки, пробравшись сквозь толпу крестьян, очутилась лицом к лицу со стоявшей перед печью Ксаней.

– Что ты, девочка? Зачем ты тут? Зачем? И что вы хотите с ней делать? – строго обратилась она к стоявшим вокруг крестьянам.

Последние молчали, смущенно снимали шапки, картузы и, почесывая затылки, молча и сконфуженно глядели на молодую девушку.

– Что же случилось, наконец? Говорите же! – обратилась она к рослому, почтенному старику крестьянину, который все время удерживал своих односельчан от безумного поступка.

– Да что, матушка Наталья Денисовна, графинюшка молодая! – произнес старик, смущенно переминаясь с ноги на ногу. – Очертели людишки... Бог весть что задумали... Вот оно – вино-то!.. До чего не доведет...

И слово за слово он рассказал о случившемся.

С пылающими щеками молодая графиня слушала старика. Лишь только рассказ дошел до своего трагического конца, она схватила Ксаню, прижала ее к себе и громко крикнула, обращаясь к крестьянам:

– Дикие!.. Слепые!.. Жалкие люди! И этот ребенок, эта прелестная девушка могла... могла... внушить... вам...

Она не договорила, и целый поток слез хлынул из ее глаз.

Несколько минут она молчала, не будучи в силах произнести ни слова. Старая компаньонка шептала ей что-то на ухо по-французски. Графинюшка молча изредка кивала ей своей золотистой головкой.

И вдруг выпрямилась, точно стрелка, вся такая нежная, странная, воздушная. Подняла руку, махнула ею. Все стихло точно по волшебству... Все притаились, чуть дыша, приготовляясь слушать эту белую девушку, казавшуюся полночной грезой в ее бальном платье из газа и кружев.

– Темные вы, темные люди... – зазвенел ее нежный как звон ручья голосок, – неужели вы верите, что существует на свете какая-то нечистая сила, какие-то злые духи, домовые, лешие? Неужели никто вам не разъяснял, что все это суеверные предания? И как только могли вы подумать, что именно в этой бедной девочке скрывается какая-то нечистая сила и что она способна причинить вам зло?

Крестьяне слушали молча, с низко опущенными головами. Никто не решался возразить молодой графинюшке, иные, сознавая свою неправоту, другие – прямо из уважения.

– Ступайте по домам, – продолжала между тем белая девушка. – Ступайте и благодарите Бога, что Он не допустил совершиться страшнейшему преступлению, которое навсегда осталось бы на вашей совести... Какое счастье, что я поспела вовремя!

И она махнула рукой смущенным, переконфуженным крестьянам.

– Ужасно! – обращаясь по-французски к своей компаньонке, произнесла она вздрагивая. – Как еще темен наш народ!.. Просто уму непостижимо!..

– Не волнуйтесь, дитя мое, обратим лучше внимание на девочку! – тихонько, успокаивающим тоном, произнесла француженка.

– Да! Да! Бедное дитя! Подумать страшно, что случилось бы с него, если бы мы не подоспели вовремя! – ответила, вздрогнув, графинюшка и, еще крепче прижав Ксаню к себе, прошептала:

– Пойдем, девочка, не бойся, я отведу тебя к нам... Ты успокоишься у нас, бедная моя голубка!

Голос графинюшки был так ласков и нежен, так непривычно нежен для слуха Ксани, что она с готовностью решила бы следовать за этой златокудрой красавицей не только в дом, но и на край света.

Не говоря ни слова, она пошла за графией, но вдруг зашаталась. В голове помутилось, в глазах пошли огненные круги, и, прежде чем кто-либо мог подхватить ее, Ксаня тяжело рухнула на землю.

– Ей дурно! – воскликнула молодая графиня и быстро нагнулась к Ксане, которая в глубоком обмороке лежала распростертая у ее ног.

– Поднять ее осторожно и отнести в усадьбу, в мою комнату... За мной!.. – повелительными нотками приказала Ната.

Несколько крестьян вышли вперед, подняли бесчувственную Ксаню и понесли ее со всей осторожностью следом за молодой графией и ее гувернанткой, в графскую усадьбу.

Глава VII

Золотая неволя. – Первые тернии

– Тише! тише, ради Бога!.. Не испугайте ее... Она спит. Обморок перешел в сон...

И молодая графиня Ната, точно белая волшебница, встала между лежащей на турецкой оттоманке Ксаней и появившимися на пороге комнаты людьми.

Их было пятеро.

Граф Денис Всеволодович Хвалынский, высокий, изящный господин о чуть седеющей шевелюрой, во фраке и белом галстуке и, рядом с ним, хрупкая, изящная, стройная, красивая женщина, вся окутанная в облака белых воланов, рюшей и кружев.

Это была графиня Мария Владимировна.

Толстая, неуклюжая и рыхлая женщина лет пятидесяти в лиловом платье и черном переднике, Василиса Матвеевна, воспитательница графини и ее младших детей, теперь исполняющая роль экономки и домоправительницы графов, стояла немного поодаль за своими господами. Ее бывшие воспитанники остались на пороге. Двое детей, близнецов по двенадцатому году, брат и сестра, Наль и Вера, были хрупки, миловидны и изящны, как две дорогие фарфоровые статуэтки. Волосы девочки, уложенные на затылке в какой-то замысловатый узел, струились вдоль спины и плечей красивыми пепельными волнами, в то время как у мальчика, подстриженные в кружок, они вились затейливо вдоль матово-белого, совсем нетронутого загаром лица. Черты лица обоих детей были тонки, с неуловимой печатью надменности, присущей аристократам.

В комнате царил полумрак. Японский фонарик обливал ее таинственным светом, голубовато-прозрачным, как лунное сияние в летнюю ночь. Откуда-то издали, сладко замирая, неслись звуки бального мотива...

Графиня неслышной, быстрой походкой первая приблизилась к дивану, взглянула на распростертую на нем девочку и тихо ахнула:

– Боже мой! Что за очаровательное дитя!

И, помолчав немного, присовокупила:

– Завтра же я занесу ее на полотно, да, да, завтра же...

– Ради Бога, мама, не разбудите ее! – и графиня Ната, усевшись у ног Ксани, умоляюще сложила свои маленькие ручки.

– Нет, нет! Я только взгляну!.. Посмотри, – обратилась тем же шепотом графиня по-французски к мужу, – посмотри, Денис, что за красота!

Граф быстро приблизился к оттоманке, взглянул на спящую и тихо вскричал:

– Это она!

– Кто она? Кто она? – так и посыпались на него со всех сторон вопросы.

– Да она! Та, что стреляла в Буланку и спасла меня и Нату в ту грозовую ночь... Не может быть, чтобы я ошибся.

Граф хотел прибавить еще что-то, но тут же закусил губы.

Спящая Ксания проснулась. Огромные, черные глаза ее широко раскрылись и, как две яркие звезды, блеснули в полумраке.

– Где я? – прошептала она, дико озираясь по сторонам.

– У друзей! Не бойся ничего. Мы не дадим тебя в обиду, прелестное дитя!

И графиня Мария Владимировна нежно провела по черным спутанным кудрям девочки своей душистой рукой.

Ксания, не привычная к ласке, отодвинулась назад. Потом живо вскочила на ноги и, все еще продолжая дико озираясь, проговорила быстро:

– Пора мне... в лес... дядя хватится... В лес... домой пустите!..

– О, нет, тебя нельзя пустить одну, дитя! Они опять обидят тебя. Ты останешься с нами. Ведь ты хочешь остаться с нами? – урчал, как ручеек, нежный голос графини.

– Не хочу! – грубо вырвалось у Ксании, – меня ждет дома хромой Василий... Пора мне, пустите меня!

– Ах, ай, ай, ай, как стыдно, барышня, господам перечить, – затянула домоправительница Василиса Матвеевна сладким голосом, скашивая на Ксаню свои лукавые глаза. – Надо у господ ручку поцеловать, надо в ножки поклониться господам за то, что призрели господа, из рук пьяной оравы вырвали, а вы, можно сказать, кобенитесь... Ай, как не хорошо, маточка!

И рыхлая домоправительница закачала неодобрительно своей большой круглой головой.

Ксания дико взглянула на нее.

– Я хочу в лес! – вырвалось у нее из груди недоброжелательно и глухо.

– Дитя! Милое дитя! Успокойся! – и графиня-мать нежно обняла стройные, сильные плечи лесовички, – твое возвращение в лес теперь немыслимо... Завтра утром мы поговорим с тобою. Эту ночь ты переночуешь здесь. Я так желаю. Так надо... Сейчас нам необходимо спешить к нашим гостям... Молодой графинюшке тоже... Ты побудешь с этой дамой. Ее зовут m-lle Жюли... Лучше всего усни... Сон подкрепляет тело и дает забвение всему дурному... М-lle Жюли, позаботьтесь о прелестном ребенке!

И графиня, наскоро поцеловав черные кудри Ксании, исчезла за дверьми комнаты. За нею исчезли и все остальные.

Графиня Ната подошла к девочке, взяла ее за руку и сказала просто:

– Завтра папа наградит вас. Ведь вы наша спасительница. Завтра же вас отпустят домой. А сегодня потерпите немножко. Вы видите – у нас бал. Надо спешить к гостям... Милочка моя! Не бойтесь ничего! Вы между друзьями. Если бы вы знали, как мать и отец благодарны вам!.. Они не хотят тревожить вас и потому только не упоминают вам об этом теперь.

– Я не боюсь, – угрюмо буркнула Ксания, – я ничего не боюсь. Пустите меня в лес, не держите!

– Нельзя, милая. М-lle Жюли, убедите ее, что этого нельзя, – с каким-то трогательным бессилием прошептала юная графиня и выскользнула за порог, ободряюще и нежно поцеловав при этом Ксаню.

Старая французженка осталась с Ксанею вдвоем.

– Вы сирота? – с чуть заметным акцентом произнесла она, желая чем-нибудь развлечь свою необыкновенную гостью.

Ксания нетерпеливо подернула плечами.

– Какое кому дело, сирота или нет? – резко оборвала она.

– Вы невежливы. Это нехорошо. Нельзя быть невежливой вообще, а тем более с людьми, которые желают вам пользы, – строго заметила француженка.

– Мне надо в лес! Пустите меня! – прошептала Ксания с тоской и злобой.

– Дитя, вы слышали, что говорила графиня? Сейчас вас отпустить нельзя, – и голос гувернантки зазвенел твердой и резкой нотой.

Ксания исподлобья взглянула на нее.

– Все равно уйду! – буркнула она себе под нос. – Что я, цепная собака, что ли?

И черные глаза угрюмо сверкнули из-под спутанных на лбу кудрей.

– Вы – злое дитя! Я чувствую, что не столкнусь с вами. Надо привести графиню, пусть сама возится с вами! – строго произнесла m-lle Жюли, направляясь к двери.

На минуту черные глаза Ксании загорелись надеждой. «Уйди только, уйди и оставь дверь открытой... а я... айда и поминай, как звали!...» – вихрем пронеслось в ее голове.

Ксания совершенно забыла в эту минуту о том, что эта француженка вместе с молодой графинюшкой всего часа два тому назад вырвали ее из когтей верной гибели. Впечатления на диво быстро менялись в взбалмошной и горячей голове, и упрямая и своенравная лесовичка едва ли помнила теперь о трагическом приключении с крестьянами.

Француженка медленно двинулась к двери.

– Хорошо... хорошо... совсем-таки отлично, – шептали запекшиеся от пережитых волнений губы девочки, – уйди... уйди, старая коза... А я тем временем... раз-два, и не увидите меня больше.

Как раз в эту минуту Жюли обернулась. Торжествующий взгляд черных глаз девочки поразил ее. В мыслях гувернантки промелькнула туманная догадка.

«Убежит!» – подумала она и, плотно прикрыв дверь за собой, повернула дважды замок.

Ксания испустила дикий крик, вырванный из груди ее злобой.

– Заперла-таки! – сорвалось с ее уст, и, не помня себя от гнева, она ринулась на пол и громко завывала в голос тяжелым и резким воем дикарки...

Глава VIII

Новая жизнь. – Враг

– Вот так цаца! И откуда такая?

Голос, произносивший насмешливо эти слова, звенел над головой Ксани, но откуда – в первую минуту она не могла разобрать.

Ксания вздрогнула от неожиданности.

Она стояла в густом кустарнике, укрытая со всех сторон от любопытных взоров. На ней был странный костюм: ярко-красная шелковая юбка, малиновая рубашка и голубой лиф из тончайшей кисеи, опоясанный золотистым шарфом. В распущенных волосах запутались, как бы случайно, цветы гвоздики алой как кровь. Масса бус, лент и всевозможных металлических украшений звенела на ее смуглой шее. Весь наряд был ярок, пестр и криклив. Но лицо хранило выражение угрюмого недовольства.

– Ну, и нарядили же тебя! Господи Боже мой! Совсем-совсем эфиопская царица!.. Но наряд-то нарядом, а отчего же волосы-то распустила? В бане, что ли, была?

– Господи Боже мой! И чего это они тебя в чучело преобразили? – снова зазвенел голос. Ксания подняла голову.

Оседлав толстый сук развесистой ивы, весь укрытый ее зелеными ветвями, сидел Виктор.

– Фу-ты! Ну-ты! Ножки гнуты! – отфыркивался мальчик, – да выйди ты в таком виде на улицу, тебя первый бык забодает.

– Вот и я то же думаю! – угрюмо вымолвила Ксания.

– Так скинь это тряпье! Ведь в глазах рябит на тебя глядячи, – не унимался мальчик.

– То-то скинь, а графиня? Она с меня картину пишет в этом тряпье! Это еще что! Цветами всю закидает и заставит сидеть, не двигаясь, часа два. Разве весело? Ей может быть, а мне нет. Она себе мажет кистью по полотну: раз, два, раз, два. А я сиди, как угорелая кошка, глаза выпуча! Эх-ма! И так каждый день!.. В этом-то тряпье еще ничего, хоть свободно, руками, ногами дрыгаешь. Но когда мамзеля эта самая в корсет меня затянет, вот тут уж совсем беда. Дышать нечем. А тут еще сиди, глаза выпуча, корча барышню... Не могу я! – с отчаянием заключила она.

– Не могу, это легче всего сказать. Не могу, а я могу! – острил Витя. – А ты придумай как бы «могу» научиться.

– Убегу я! – сурово шепнули губы Ксани.

– Куда?

– В лес.

– Б-э-э!.. Тебя Норов быстро снова сюда приведет. При моем отце у него с графом-то разговор был. Они с графом условились насчет тебя, чтобы ты, значит, в полное владение к ним, к графам, поступила. Вернет тебя Норов, как пить дать. И еще за косы оттаскает. Помяни мое слово.

– Не посмеет! – хмуро проронила Ксания.

– Да что тебе худо у графов, что ли? Плюнь на все... Забудь и привыкнешь. А что тебе от Митридаты Пафнутьевны да от злючек-графинят проходу нет – так это пустяк. Графиня в тебе души не чает. Наталья Денисовна тоже. Ешь ты вкусно, пьешь сладко, чего тебе еще?

– В лес бы мне, Викторенька!

– Эх, заладила!.. В лес да в лес!.. По колотушкам соскучилась, что ли, глупая?

– Душно мне здесь... Там вольно... Зелень... – простор... Птицы поют... Солнышко прячется, словно в жмурки играет... Дятел тук да тук... А горленка-то!.. Кажется, и сейчас

слышу!.. Смолой пахнет и медом... Мох под ногами, ветки похрустывают... Ой, хорошо! Так хорошо-то, что будто сердце...

– Ксения! Ксения! Где вы будете, сударыня вы моя... Хоть бы ноги пощадили чужие, матушка. Убегаете ровно дикая какая, а графиня беспокоится, искать приказали. Вот наказание-то Божеское!

И между спешно раздвинутыми кустами показалось покрасневшееся лицо Василисы.

Едва только ее тучная фигура появилась среди зелени малинника, как неожиданно неистово гаркнула над головой ее ворона.

Василиса задрожала с головы до ног. Она была суеверна до смешного, верила не только в приметы, но и во всякую чертовщину и небывальщину.

– Ой! Батюшки, чур меня! Чур! – зашептала она, открешиваясь и отплевываясь... – Не к добру раскаркалась... Пронесись, беда, мимо меня, пронесись... Господи помилуй! Кши! Кши! Кши! – замахала она руками на воображаемую ворону.

Насмешливое лицо Виктора высунулось меж деревьев.

– Мое вам нижайшее, Митриада Пафнутьевна! – прозвенел с высоты дерева его звонкий, насмешливый голос.

Та вся так и вскипела.

– Озорник! Право, ну, озорник! Постой-ка-сь, я графу пожалуюсь...

– Пожалуюсь, надо говорить пожалуюсь, а не «пожалуюсь», Антимония Акакиевна! – невозмутимо поправил тот.

– Тьфу ты, напасть! Да перестанешь ли ты дразниться, сударь...

– Не перестану, Панихида Простоквашевна!

– Тьфу!

– Грешно на Божие творение плевать, Тумба Утрамбововна.

– Нишкни! Вот я тебе, постой-ка! – вся ходуном заходила старуха.

– Силы несоразмерны, Акулина Голоспоровна. Я, можно сказать, во цвете лет и сил, и вам со мной не справиться. Впрочем, если угодно, попробуем... Нет? Не желаете? Тогда наше вам нижайшее... Счастливо оставаться, Перепетуя Фыркаловна. До приятного свидания!

И в один миг, с живостью обезьяны, мальчик соскочил с дерева, с самым галантным видом расшаркался перед взбешенной старухой и исчез веселый, смеющийся и задорный.

Василиса со злостью плюнула ему вслед. Потом кинула рассерженный взгляд на Ксаню и, увидя, что обычно мрачные глаза последней загорелись насмешливыми огоньками, дала полную волю охватившему ее гневу:

– Вот господа-то мои раздобыли сокровище!.. Нашли прелесть! Обули, одели, призрели нищенку, а она что? Неблагодарная, злая, чем отплатила? Чем отплатила-то? Нищенка! Чем ты отплатила, лесовское отродье, а? Чем?..

Василиса оборвала неожиданно свою речь на полуслове... В одну секунду Ксаня была перед ней, дрожащая, бледная, со страшно разгоревшимся одичалым взглядом. Ее сильные, смуглые руки впились в толстые плечи экономки. Бледное, исковерканное бешенством лицо приблизилось почти вплотную к лицу старухи. В эту минуту она была страшна. Жуткий огонь зажегся пламенем в ее черных огромных глазах.

– Слушай, ты! – скорее свистом и шипением, нежели голосом, сорвалось с ее губ, побелевших от ярости. – Слушай, ты посмей только назвать меня нищей еще раз, только посмей! Я тебе покажу!.. Нищие просят милостыню, а я не прошу... ничего не прошу, ни одежды, ни еды, ничего, как есть... Меня силой сюда взяли, от леса отняли... Не хотела я от леса, от Василия, от березок и дубов да солнца, а они сами меня против воли в клетку посадили – как птицу!.. А я не хотела, не просила и одежды этой не просила... Вот она одежда графская... Вот! Вот! Вот!

И, прежде чем присевшая со страха на землю старуха могла сказать хоть слово, Ксаня рванула с себя рукав изящной рубашечки, за ним другой, за рукавами золотистый шарф, и в одну минуту от лифа, рубашки и шарфа валялись одни только жалкие лоскутки, брошенные в лицо ошеломленной Василисы.

Старуха, испуганная насмерть необычайным проявлением злобы в до сих пор угрюмой и тихой девочке, в ужасе закрыла глаза, но тотчас же открыла их снова и взвизгнула пронзительным фальцетом, чуть живая от страха:

– Ба-тю-у-шки! Уби-ва-а-ют!

– Только посмей меня нищей назвать!.. Только посмей еще раз! – прохрипела не своим голосом Ксаня.

– У-би-ва-а-ют! – еще раз взвизгнула Василиса и припала ничком к траве.

Ксаня с горящими глазами и перекошенным от гнева лицом стояла перед него.

– Что такое? Что случилось? Милая, что с вами?

Неожиданно расступились кусты малинника, и графиня Ната очутилась подле бледной и дрожащей еще от волнения Ксани.

– Ксения! Милая! Что такое? Что с вами? Вы почти раздеты!.. Ах, что это? – внезапно увидев пестрые и белые куски в траве, произнесла она смущенно. – В чем же дело, наконец?

– Она... она... я... я... нищей меня назвала, нищей... – могла только выговорить Ксаня, указывая на лежавшую на земле Василису. – Как она смеет?.. Уйду... уйду!.. Я не хочу больше... Я вольная... я лесная... Не хочу я... Не нищая я! Нет!

– Милая! Успокойтесь... Царевна моя лесная! Черноокая фея моя! Мне доверьтесь... Одной мне... Ксения!.. Голубушка!.. Не слушайте ее... Она злая, завистливая, нехорошая... Я с вами... Успокойтесь, милая... А вы, тут графинюшка быстро повернулась к все еще лежавшей на траве Василисе и проговорила строгим, надменным и повелительным голосом: – а вас, если вы еще раз обидите Ксаню, я попрошу маму выгнать вон... Да... выгнать!.. Ксаня моя подруга... Зазнались вы очень. Не смей больше оскорблять лесную барышню! Слышите!

И, гордо поведя плечиками, она обняла Ксаню и быстро направилась с ней из чащи кустов.

Василиса так и замерла на месте в своей странной позе, глупо выпуча глаза. Она тяжело дышала и утирала обильно струившийся пот с лица... Так пролежала она несколько минут, но вдруг вскочила на ноги, как ошпаренная, вся красная, униженная, злая.

– Меня выгнать? Меня? Да нешто можно это? Двадцать лет верой и правдой служила, и вдруг так-то!.. И из-за кого?! Из-за нищей девчонки... Из-за лесовички, колдовского отродья!.. Меня вон? Меня – верную слугу?.. Нет, матушка Наталья Денисовна, не бывать этому... Молода больно, сударыня... Крылышки еще не отрастила, чтобы верными отцовскими слугами распоряжаться! Как же! Откажут! Сейчас! Держи карман шире!.. А тебя, лесовичка непутевая, тебя уже я знаю, как уважу, милушка! Будешь меня помнить, некрещеная душа!

И грозя своим объемистым кулаком в пространство, Василиса Матвеевна, охая и кряхтя, стала выбираться из цепких кустов малинника.

Глава IX

Пытка. – Близнецы. – Урок танцев

Утро. Солнце палит немилосердно. В огромной комнате с большим венецианским окном, носящей громкое название «студии» или художественной мастерской графини, у мольберта, с палитрой и кистями в руке, сидит сама графиня Мария Владимировна. Перед ней, на растянутом в рамках полотне, изображение чего-то пестрого, хаотического. В отдалении, на деревянных, наскоро сколоченных мостках, заброшенных всевозможным ярким тряпьем, стоит ее модель.

Это Ксая.

На ней накинута пестрая, яркая тряпка и цветы. Целый каскад цветов струится со смуглых, обнаженных плеч, с черных, как вороново крыло, кудрей, с груди и шеи.

Но лицо Ксани не соответствует ее ликующему, праздничному наряду. «Лесовичка» дышит бурно и тяжело. Она устала.

Вот уже около месяца мучает ее каждое утро графиня, рисуя с нее картину, которая никак не может вылиться на полотно с достаточной ясностью и правдивостью. Графиня сердится и винит во всем Ксаню. Ксая виновата – не умеет «позировать», не умеет спокойно простоять полчаса, не двигаясь, не шевелясь.

Очевидно, время увлечения графини прелестной дикаркой приходило к концу.

Нужно сказать, что графиня увлекалась всегда чем-нибудь горячо, но недолго. У графини Марии Владимировны вошло точно в привычку постоянно обожать что-либо, восхищаться чем-нибудь. Вне этого восхищения не было смысла жизни для графини. Когда дела графа пошатнулись настолько, что вся графская семья должна была перекочевать из Петербурга в эту лесную трущобу – как называла графиня родовое имение мужа, – она пристрастилась прежде всего к розам. Несмотря на пошатнувшиеся дела, граф все-таки обладал достаточными средствами, чтобы жить в своей усадьбе широко, тратить на ее украшение. И целый цветник роз окружил старый ветхий дом забытой усадьбы. По требованию графини выписали нарочно садовника и с какой-то материнской нежностью стали выводить прелестные цветы. Пышные, они протягивали ласково встречным свои головки и наполняли медвяным запахом и старый сад, и старый дом, и окрестные поля. Но вскоре розы надоели графине и были забыты. Их сменила живопись. Графиня вдруг почувствовала в себе священный огонь искусства, разом запыхавший в недрах ее души. Когда-то, в детстве, она, как и многие другие девушки из аристократических домов, училась живописи, но потом бросила ее заниматься. В деревне, от скуки, она опять принялась за кисть и палитру, сначала очень горячо и усердно; но мало-помалу живопись стала надоедать графине. Она объяснила это однообразием природы в деревне и отсутствием «интересных» типов. «Россия не Италия, – говорила графиня, там каждая девушка так и напрашивается на полотно и там я, конечно, никогда не бросила бы кисти... Но здесь? Кого и что писать?» И графиня перестала даже заглядывать в свою «студию». Палитра и кисти лежали заброшены, а сама графиня начала убийственно скучать в своем затишье, без раутов и балов столичной жизни.

И вдруг появилась Ксая! Ее фантастическая судьба, ее героический поступок, ее возможная гибель в руках озверевших крестьян, наконец, сама внешность Ксани, странная, своеобразная – все это увлекло графиню, обожавшую всякую таинственность. Она решила перевести Ксаню в Розовое, приблизить к себе «странное существо», как выражалась графиня, и кстати заняться картиной, которая должна была изображать Ксаню в качестве не то лесовички, не то лесной феи.

Это решение привело особенно в восторг молодую графинюшку Нату, Граф охотно дал свое согласие. Тогда позвали из сторожки Норова и стали его уговаривать оставить Ксаню

в графском доме. Уговаривать пришлось недолго. Лесник был очень рад, что может сдать кому-нибудь девочку, которая уже давно была для него обузой и которую он терпеть не мог.

– Скажите, Норов, – спросила в заключение графиня, – вы не имеете никаких сведений о матери этой девочки?

Норов как-то странно замялся, заморгал глазами и ответил:

– Нет, не имею... И даже не знаю, где она... Уехала... оставила ребенка... Пока жена жива была, она писала из разных городов... потом совсем перестала...

– Верно, умерла, – заметила графиня. – Не может быть, чтобы она оставила ребенка на произвол судьбы...

– Да, верно, умерла, – подтвердил, опутив вниз голову, едва слышным голосом Норов и, не попрощавшись даже с Ксаней, ушел.

В тот же день, по желанию молодой графинюшки, в комнате графини Наты, рядом с красивой кроватью самой Наты, поставили узенькую постель. И Ксаня поселилась в прелестном будуаре Наталии Хвалынской, пригревшей ее своей лаской с первого дня. Она да старая Жюли, худая и суровая на вид французенка-компаньонка Наты, чуть ли не единственные искренно привязались к Ксане. Что касается до остальных членов графского семейства, то последние или смотрели на красавицу-лесовичку как на забавного зверька, как графиня и ее муж, или откровенно ненавидели ее, как Василиса Матвеевна, как Наль, Вера и как прислуга, с затаенной ненавистью прислуживавшая по приказанию графини лесной барышне.

Впрочем, графиня недолго увлекалась новой игрушкой. Ее капризная, вечно ищущая чего-то нового натура не могла останавливаться подолгу на привязанности к лесовичке. Ксаня очень скоро начала надоедать ей. Она была слишком дика, неводержжна, неблагодарна. Несмотря ни на какие ласки, ни на какие подарки, «лесовичка» ни разу не приласкалась к своей благодетельнице, ни разу не благодарила ее.

– Камень какой-то, не девочка, – говорила графиня. – Нет в ней ни души, ни сердца... И притом скрытная... Ничего от нее не узнаешь... Ох, правду говорит Василиса, ошиблись мы в ней!..

Скрытная по отношению к графине, Ксаня с другими была просто-таки груба – и с обоими детьми, и с их нянькой, и со всеми, кроме графини Наты, на которую «сам зверь не мог бы заворчать», по мнению Василисы Матвеевны.

Графиня давно бы прогнала из усадьбы надоевшую всем Ксаню, если бы не то, что ее так любит Ната. Хрупкая, болезненная, слабая графинюшка удивительно привязалась к лесовичке, хотя та относится к ней совершенно равнодушно и не отвечает на ее ласки. Но Ната в восторге от Ксани, и разлучить их – это значило бы нанести бедной Нате ужасный удар. Нечего делать, приходится терпеть и... даже скрывать свою ненависть к надоевшей лесной упрямце.

... ..

Утро. Ярko жжет июльское солнце. Точно перед концом своим жжет. Чувствуешь словно, что август скоро. Конец золотому пиру лета. Конец к самому лету.

Графиня за мольбертом. Ксаня на подставке. Она «позирует». Лицо у нее бледное, унылое. Глаза напухли. Жарко ей, томительно скучно. Вот бы, то ли дело, в лес, в зеленое царство, в тень, в прохладу... Она задумалась и мысленно ушла от этой комнаты с огромным венецианским окном. Ушла от жизни. Отчего ей так худо теперь? Графиня неласкова, дети преследуют, смеются, а Василиса, как кошка, так и норовит когтями зацарапать. Язык у нее хуже когтей. Злой язык. И зачем не отпускают ее, Ксаню, в лес, когда не любят ее, даже ненавидят?.. Одна Ната добра... Да что Ната: какая она Ксане подруга?.. Для Наты она, Ксаня, просто живая игрушка, которую она бросит, когда соберется опять в заморские страны... У Наты злой затаенный недуг в груди, в легких. Ната – чахоточная. Она может жить только при солнце, пока жарко, тепло... Без жары зачахнет. Чуть дождик – хватается за грудь и кашляет,

кашляет. И в августе – это уже решено – Ната опять уедет на юг Франции на целую зиму. И тогда ей, Ксане, не житье в графском доме, ибо некому будет за нее заступаться. Ах! в лес бы уйти скорее, в лес!

Задумалась глубоко Ксаня...

Пред глазами пышная, зеленая картина... Глушь, лес, сумерки теней, прохлада... Чудно так, прекрасно...

Мечты и думы Ксани прерывает неожиданно сердитый голос графини.

– Несносная девочка! – кричит графиня. – Я же тебе велела стоять смирно!.. А ты все вертишься да вертишься...

При этих словах палитра и кисть летят в угол комнаты, брошенные с досады нетерпеливой рукой графини. Сама графиня, красная, как кумач, изо всей силы прокалывает полотно с наполовину оконченным портретом лесной колдуньи.

– Вот! Любуйся теперь!

Затем разгневанная графиня быстрой походкой выходит из студии.

Ксаня в недоумении, молчит, ничего не понимая, почему так рассердилась графиня.

Подходит Ксаня к картине, смотрит: огромная дыра вместо глаз, лицо изуродовано. Ксаня пожимает плечами. Неужели все это из-за нее?

– Ха, ха, ха, ха! – проносится резкими звуками над ее ухом. Любуется своим изображением? Ха! Ха! Ха!

Перед Ксаней Наль. Собственно говоря – Николай, молоденький граф Николай Хвалынский. Но родители и сестры прозвали его нежным именем «Наль». Ведь он такой нежненький и хрупкий, точно цветок. Но цветок, полный яда. Злой цветок. И губы у него тонкие и злые, и язычок, как жало, и глаза. Глаза совсем уже недобрые, хоть и красивые, как у сестры Наты. За ним стоит Вера. Эта если и не жалит, то потому только, что боится. Она слабенюкая и трусливая. Но сердце у нее от этого не мягче.

– Наль, картина испорчена! – говорит она, – не правда ли?

Наль смеется и облизывает тонким, жалящим язычком малиновые губы.

Ксаня больше всего не терпит его за эту привычку. В ней есть что-то противное. И сейчас вынести ее без едкой злобы у нее нет сил.

– Ты барин, – говорит Ксаня, – ты граф, графский сын, а манеры у тебя, как у мужика, право.

– Что-о-о-о! Сама ты мужичка и колдунья! Да, да, колдунья!.. – говорит Наль. – Лесовичка ты! И не только лесовичка, но и дура...

– Да, лесовичка! – поддакивает Вера и прячется за спину брата.

Глаза Ксани вспыхивают. Ноздри раздуваются.

– Что ты сказал? – сердито, громко спрашивает она и делает два шага вперед. Затем еще два.

Графчик Наль отскакивает к окну перед ней.

– Повтори, что сказал?!

Наль храбрится.

– Дура! Дура, мужичка! Вот что сказал!

– Конечно, дура! – повторяет за ним Вера и юркает в угол.

– Не боюсь тебя! – уже в голос кричит Наль, – не боюсь необразованной мужички, ты... ты... глупая, дикая... и колдунья. Твоя мать...

– Что сделала моя мать?

И Ксаня делает еще шаг, подвинувшись к мальчику.

Она спокойна. О, она спокойна! Только краска отлила от ее щек, да глаза, как угольки, мечут и бросают пламя.

– Что моя мать? – почти задохнувшимися звуками вылетает из ее уст.

– Ведьма она, твоя мать, вот кто! – тем же полным ненависти и злобы криком ярости бросает Няль.

– Ведьма и колдунья! – вторит ему Вера из своего угла.

Что-то непостижимое произошло в ту же минуту. Блестящие лакированные сапожки графа Няль мелькают в воздухе. Громкий вопль оглашает комнату, и, прежде чем мальчик мог опомниться, он летит в окно. Сильные руки Ксани, успевшие перехватить его поперек туловища, делают вольт в воздухе, и тщедушная фигурка Няль, смешно подпрыгивая своими франтовскими сапожками, перескакивает через подоконник удивительным прыжком.

Под окном растет крапива.

Молоденький графчик убеждается в этом сейчас же. Пронзительный вопль доносится из сада. Очевидно, жгучее растение не очень-то гостеприимно приняло в свои объятия зазнавшегося мальчика.

Ксания торжествует. Ее грудь вздымается бурно и высоко. Руки сами собой скрещиваются на груди. Она удовлетворена.

– Это за маму! – говорят, пылая, восточные глаза, но тут они замечают притихшую за высокой спинкой кресла Веру, присевшую со страха на пол.

Минута, и Ксания очутилась перед ней.

– Слушай ты, – трясая за плечи онемевшую со страха девочку, произнесла она, – скажи своему брату, да и сама запомни, если когда-либо осмелитесь еще тронуть мою мать, я поговорю с вами по-другому...

Она потрясла еще раз за плечи обезумевшую со страха девочку и вытолкала из комнаты.

– Вот это мило!.. Точно прекрасная глава из романа «Расправа лесной колдуньи» или «Месть очаровательной Сибиллы»... Нет! За подобную штуkenцию примите мою почти-тельнейшую уваженцию, мадмуазель!

И одним ловким прыжком перепрыгнув через окно студии, Виктор очутился верхом на стуле, стоявшем посреди комнаты.

– Витька! – обрадовалась ему Ксания.

– Мы-с! – важно протянул мальчик. – Имел счастье быть свидетелем, как ты расправилась с этим несносным графчиком и как читала наставление его сестре... Великолепно! Я преклоняюсь... Ты поступила, как благородный рыцарь, заступившись за твою мать... Но только это тебе так не пройдет... В огонь тебя, конечно, не бросят, примеру мужиков не последуют... На первый раз, пожалуй, даже все кончится строгим выговором. Но если ты будешь так продолжать, то, ручаюсь, тебя выгонят обратно в лес...

– Врешь! – недоверчиво и радостно вскричала Ксания.

– Ну, там вру или не вру, а помяни мое слово, что быть тебе отсюда, из графской усадьбы, протуре!.. Ну, а теперь, пока графчики найдут графиню, чтоб пожаловаться ей, да пока графиня разберет в чем дело и пожалует сюда, чтоб сделать тебе надлежащий выговор, мы начнем наш урок...

– Да нужно ли это, Викторенька?

– Ей-Богу нужно, Ксаненька! Во-первых, ты графиню Нату одобряешь и ей поперек горла стать не пожелаешь... В день ее именин, когда все сделают ей какой-нибудь сюрприз, должна же ты приготовить ей что-нибудь. А во-вторых, когда все будут плясать на балу, не можешь же ты сидеть, как медведица в берлоге, и лизать лапу. Пониме? А тем более раз и я приглашен на этот бал. И притом я не хочу иметь другой дамы, кроме тебя!.. А ведь я так пляшу, что небу жарко... Одна нога тут, а другая в Соневке, за три версты. Словом, замечательный танцор! Раз в мазурке такое *s'il vous plait*¹ выкинул, что каблуком нашей Митридате

¹ Сделайте милость (фр.).

в нос заехал... Ей-Богу! Три недели с пластырем ходила и избегала сморкаться. Вот какой я танцор! Тятенька мой и то говорит: «Эх, Витька, отдать бы тебя в балет лучше было бы»... Ты знаешь, отчего лучше? У меня на экзаменах далеко не все благополучно было этой весной. Какая-то шальная двойка среди отметок очутилась. Откуда – сам не знаю... Да не в этом, впрочем, дело... Ну же, валяй. С вальса начнем... Раз... два... три... раз... два... три...

Подхватив Ксаню, Виктор завертелся с нею по комнате.

– Хорошо! Молодчинища! Точно родилась на паркете... С трех уроков танцуешь, как фея... Ей-Богу!.. Ну, еще... так... Правой... левой... трала... ла... ла... ла... Ах, стой... Подсматривает кто-то за дверью! Стой!

И, прежде чем Ксания успела опомниться, Виктор подскочил к двери и стремительно распахнул ее.

– Ай-ай-ай-ай! Да что ты! Ополоумел, что ли, мой батюшка?

И Василиса Матвеевна, как мячик, отскочила от двери, в скважину которой она подсматривала до этой минуты за танцующей парой. Но – увы! было поздно. Катастрофа застигла ее довольно-таки неожиданно. Предательское пятно, оставленное следом стремительно раскрытой двери, краснело на ее лбу.

– Аль ты рехнулся, мой батюшка! Вот постой, я пожалуюсь графине, что вы, ровно бешеные, у нее с лесовичкой по студии носитесь...

– У-у-у! Боже вас сохрани, Секлетей Горлодеровна! Боже вас упаси! – таинственным шепотом, с умышленно округленными как бы от ужаса глазами прошептал Виктор, – да она вас со свету сживет, лесовичка эта... Ведь ехидна она!.. Приемная дочка дьявола, лешего племянница, внучка домового, кума водяного, и еще чья-то из нечистых кузина! Она погубит вас ни за грош за это!.. Она чего-чего на вас не напустит!.. Ведь она каждую ночь с лешим под ручку из трубы вылетает и по крыше с ним, как по саду, прогуливается. Тьфу! Тьфу! Тьфу! Чур меня, сам видел!

И Виктор так искренно и правдоподобно стал отплевываться, что Василиса не могла не поверить. Она забыла даже побранить юношу за нелестное прозвище «Секлетей Горлодеровны» и за синяк на лбу. Ее глаза, расширенные от ужаса, так и впились в него. Она заметно побледнела и изменилась в лице.

– В трубу, говоришь? – скорее угадал, нежели услышал Виктор ее задавленный шепот.

– Обязательно!.. Под ручку... и хвостиком вот этак... вот этак... и глазки у нее вот так... вот так!

И Витя показал, как делала ведьма глазами и хвостиком, вылетая в трубу.

– Тьфу! – могла лишь отплюнуться Василиса и поспешила на кухню рассказать там все, что узнала только что про колдовскую девчонку.

– Нет, беспрерывно ее надо выжить из дома, – решила старуха по дороге. – Двадцать лет живу в доме, от господ графов, можно сказать, превыше меры отличена, а служить ведьминой дочке приходится!.. Да еще оскорбления от нее терпеть... Нет, не бывать тому!.. Выживу лесовичку, как Бог свят, выживу из графского дома... Уж придумаю что-нибудь... Возьму грех на душу, чтобы и себя, и господ своих от чар ее спасти... Ведь околдовала она нас... Как есть околдовала лесовичка проклятая!

И угрюмая, сосредоточенная Василиса поплелась на кухню.

А в огромной студии сероглазый красивый юноша и лесная колдунья, давась от смеха, снова возобновляли прерванный урок танцев.

Глава X

Досада Наты. – Двадцать шестое. – Сюрприз графини

– Отчего ты так молчалива? – пристает Ната к Ксане.

– Я не знаю... – отвечает та.

– Постой. Сядь сюда... Скажи, глядя мне прямо в лицо, любишь ты меня?

– Я не знаю...

– Смешно. Разве мы не друзья?... Смотри мне в глаза... Ты говорила, что я спасла тебе жизнь. А сама ты спасла мою жизнь... Значит, любишь? Зачем же ты так молчалива со мной?

– Про что разговаривать?

– Ксения, милая... Мы стали говорить друг другу «ты»... мы друзья... Будь же со мною откровенна и проста... Скажи, что гложет тебя, Ксаня?

Ксаня молчит.

Уныло шлепает о кровлю дождик. Серые тучи ползут по небу, хмурые, угрюмые, гордые своей мрачной и могучей красотой.

Осенью уже пахнет в природе. Конец августа. Скоро и осень придет. От постоянной сырости и дождей побледнела Ната, осунулась и кашляет все время.

Граф и графиня видят, что не жилица на свете их Ната. Зачахнет она здесь как хрупкий южный цветок. И решили, что тотчас после своих именин, после 26-го, Ната уедет, как перелетная ласточка, на юг, к синему небу и солнцу. Но 26-е проведет в Розовом. Будет бал, съедутся соседи. Будут костюмированные в масках танцевать на лужайке, освещенной электричеством, под звуки большого оркестра, выпisanного из города. Граф отпустил на устройство бала большую сумму. Он вполне согласился с графиней, что надо показать соседям, что они вовсе еще не разорены. Этот праздник выдумала сама графиня для Наты. Ната ждет с нетерпением этого праздника, ждет и боится, как бы дождь не помешал ему. Ведь если 26-го будет дождь, бал под открытым небом будет отменен, и тогда, тогда все пропало.

У Наты, любящей музыку, танцы и цветы, сжимается сердце при одной мысли о том, что праздник отменится. Все ее раздражает поэтому сегодня, обычно кроткую и тихую Нату. А лесовичка эта больше всех и всего... Отчего она такая угрюмая сегодня? Ведь она, Ната, отдала ей всю душу. Она любит ее больше всего после Жюли. Жюли ей как мать. Жюли с ней десять лет непрерывно. Графиню-мать она видит теперь после десятилетней разлуки, отвыкла от нее. А Жюли для нее, Наты, как воздух, и она любит Жюли точно самую близкую, родную. Но недавно она полюбила и эту черноглазую лесную девушку. Отчего же Ксаня не отвечает ей?

– Слушай, лесная фея, – говорит Ната и смеется сквозь слезы, – милая, я уеду скоро и может быть умру... Тебе жаль меня?... Ты будешь за меня молиться?

– Я не умею молиться! – лепечет Ксаня.

– Как, не умеешь?

– Нет!

– Я научу тебя... Ведь я люблю тебя...

И бледная Ната обнимает девочку.

Лесовичка молчит. Ей тяжело от этой ласки. Она ни любить, ни молиться не умеет... Ох, отпустили бы ее на волю!

Не пускают... Стерегут... Гулять даже не пускают дальше сада. Боятся, что она убежит... Особенно боится Ната. Ее большие «святые» глаза так и стерегут ее. Да как же ей любить ее, свою стражу?..

– Язычица! – шепчет Ната, – не умеешь молиться, ни привязываться, ни дружить!..

Ей, болезненной, кроткой и слабой, в благодарность за дружбу так хотелось бы любви, привязанности этой сильной, своеобразной, гордой девочки. Но напрасно...

И Ната плачет, что чуть не первый раз в жизни ей не хотят подчиняться... Слезы, одна за другой, льются из глаз бледной девочки. Она плачет, горько плачет. Ей и больно, и обидно, что лесовичка, несмотря на ее старания, отталкивает ее, не желает принять ее ни своей подругой, ни покровительницей...

И дождик за окном, мучительный, нудный, тоже как будто плачет... Тяжело от него на душе...

К утру, впрочем, заголубело небо. Солнце застенчиво выглянуло сквозь серые облака и кругом прояснилось. К 11 утра стало жарко.

Именинница, об руку с матерью и Ксаней, выходила из маленькой деревенской церкви, где Ната горячо молилась о том, чтобы прошла у нее нудная, режущая боль в боку и груди, чтобы утих удушливый ночами кашель и... чтобы черноокая, красивая, но дикая и упрямая девочка, стоявшая с нею рядом все время службы, полюбила ее.

Крестьяне низко кланялись, провожая нарядных господ любопытными взорами.

– И лесовичка с ними! И лесовичка! Глянь-кась как окручена! Словно-де барышня! – шушукались бабы, жадно впиваясь глазами в Ксаню.

Она была этот раз вся в белом. Но легкая воздушная кисея не подходила ее приземистой, сильной фигуре. И только алая лента, перехватывавшая ее кудрявую голову, резко, рельефно подчеркивала юную, дику, своеобразную, яркую красоту.

Графиня Марья Владимировна искоса поглядывала на обеих девушек, следуя за ними. В груди ее глухо нарастало раздражение и недовольство на лесовичку.

– Какая сухость, какая черствость! – мысленно повторяла графиня. Ната так и льнет к ней, так и льнет, а она хоть бы улыбнулась, хоть бы приласкалась разок... Нет, деревяшка она!.. Дикая, тупая, бесчувственная девчонка!

И она косо, сердито поглядывала на Ксаню.

Косо, сердито поглядывали на нее и крестьяне.

– Ишь залетела ворона не в свои хоромы, – глухо роптали они, – барышню корчит... Вишь вырядилась, фря этакая, чертова кукла!

И с ненавистью посматривали на девчонку.

* * *

Целый день устраивали площадку для бала. К вечеру съехались гости, окрестные помещики, с женами и детьми. Что-то диковинное представилось их взорам. Среди лужайки, окруженной целой гирляндой фонарей, был сделан большой, деревянный помост, в виде круга, натертый воском, с уставленными на нем по краям мягкими скамейками, диванчиками и креслами. Это было место, предназначенное для танцев. Меж кустов боярышника были разбросаны шатры, пестрые и нарядные, яркими пятнами выделяющиеся из зелени деревьев. В одном из них поместились музыканты, в другом был открытый буфет и т. д. Все было залито электричеством. А там, дальше, во мраке, стояли молчаливые деревья и кусты, темные, жуткие, похожие на призраки в темноте августовской ночи...

Ровно в десять в полосатом шатре оркестр грянул полонез, и из дома, по главной аллее, ведущей к кругу, потянулись пары. Впереди всех шла графиня Хвалынская с каким-то сановным старичком. На ней было бархатное платье. Ее изящные, маленькие руки, шея и уши были унизаны драгоценными камнями последняя роскошь начинавших разоряться графов Хвалынских. За первой парой шла вторая: граф Денис Всеволодович с пожилой соседкой по имению, когда-то блестящей придворной дамой. За ними шли костюмированные и неокостюмированные пары. Приехавшие, в числе гостей, из губернского города, находившегося в

ста верстах от Розового, драгунские офицеры с чисто военной выправкой, бряцая шпорами, вели своих дам под плавные звуки полонеза.

Дочери и жены окрестных помещиков, которым редко выпадало на долю повеселиться в летнее время в медвежьей глуши, приложили все свои старания, чтобы заkostюмироваться как можно интереснее и лучше. Кого, кого тут не было! И очаровательные феи весны, лета и зимы, и ночь, прекрасная, как восточная царица, и томная турчанка с тоскующими очами, и быстроглазая цыганка, и красавец-бандит, и неизбежные Пьерро и Коломбина. Но больше всех выделялся Мефистофель. Весь затянутый в красное трико, с полумаской на лице, ловкий, беснующийся и изворотливый, как кошка, он поражал и очаровывал всех. Даже совсем юные существа, Амур и Психея, с крылышками за плечами, с локонами вдоль нежных шеек, надменные Наль и Вера, – и те не спускали глаз с интересного Мефистофеля, то неожиданно подпрыгивающего в полонезе, как мячик, то плавно скользящего, чуть ли не пригибаясь к самой земле.

Пары приблизились к кругу.

Оркестр прервал мелодию. В ночном воздухе, насыщенном электричеством, нежно прозвучал голос графини:

– Прошу минуту внимания перед открытием бала...

И графиня махнула белым платком.

Электрический свет потух разом. Стало темно на огромном кругу. Только мерцающий звездами купол неба лил свой матовый тихий фантастический свет. Раз! Два! Три! И по новому сигналу графини в одном из находящихся в тени кустов углу запылал желто-красный бенгальский огонь. Он охватил разом площадку, заостюмированную группу и толпу крестьян, оцепивших круг и жадно любующихся графским праздником. На помощи, среди горящего пламени, как в чудной и таинственной сказке, появился белый ангел

с серебряными крыльями, воздушный, хрупкий ангел, прелестный и нежный, как далекая неопределившаяся еще греза.

Это была графиня Ната.

Рядом с ангелом стояла другая фигура, пониже его ростом, в ярко-красном с черным покрывалом, в древних сандалиях на ногах, с обнаженными, перевитыми металлическими змеями смуглыми руками. Черный каскад струящихся кос спускался до пят вдоль сильной, крепкой девичьей фигуры. В черных, оттеняющих синевой, волосах, волнующихся, пушистых, запутались зеленые травы, желтые листья и цветы лютиков и дикой гвоздики. В руках клюка. Маленькая сова с неподвижными круглыми глазами на одном плече, летучая мышь с распростертыми крыльями – на другом.

– Лесная колдунья! – вырвалось восторженным возгласом из толпы гостей.

– Лесовичка! – пронеслось гулким рокотом по рядам крестьян.

– Красота! Великий Боже! Что за красота! – прозвенел чей-то потрясенный голос.

– Красота без единой улыбки! Мертвая красота, – отвечал другой.

– О, нет! Вовсе не мертвая! Посмотрите, как горят ее глаза!.. Графиня, откуда эта красавица?

Довольная эффектом ее затеи, графиня отвечала:

– Так, девочка из леса, приемыш, воспитанница. Не дурна, но дика и своевольна, как зверек.

Но вот потух горящий куст, и одновременно вспыхнуло электричество. Снова неясный далекий свет звезд стал бледен и жалок при праздничном роскошном сиянии.

Оркестр грянул вальс.

На бальном кругу первыми появились высокий белый ангел и приземистая лесная колдунья.

Глава XI

Чары лесной колдуньи. – Неудавшаяся интрига. – Замысел лесовички

– Отчего ты не танцуешь, красавица-колдунья? Гляди все смотрят на тебя, любуясь... Но твой взгляд так мрачно-трагичен, что никто не решается к тебе подойти! А между тем все эти красивые, блестящие офицеры атакуют бедного черта, спрашивая, не может ли он уговорить чаровницу-колдунью танцевать с ними.

И красный Мефистофель, приподняв свою шапочку, с самым изысканным видом раскланивался перед Ксаней.

– Витька!

И на миг мрачные глаза колдуньи прояснились.

– Слушай! – сказала Ксаня, порывисто схватив за руку своего друга. Слушай, Витька! Ведь лес так близко отсюда, а я с тех пор, как живу у графов, еще никогда не была в лесу, в избушке у дяди... у Васи... Ах! сбежать бы с круга – ведь всего несколько шагов...

– Перед носом, хочешь ты сказать. – И Виктор-Мефистофель протяжно свистнул. – А все-таки сбежать с круга тебе не удастся... Десятки глаз следят за тобой... Я слышал, как вон тот длинный, как верстак, драгун сказал графу про тебя: «Я в жизни не видал ничего такого. Это редкая красавица». И потому тебе нельзя ни на шаг уйти... Сейчас заметят... Ну, редкая красавица, пойдем со мной, докажем всем этим господам, что ты и редкая плясунья.

– Ах, нет, уйди, не хочу я!

Ее огромные глаза впивались в темноту, в не освещенный электричеством угол площадки, где царил унылый мгла.

– Не хочешь плясать! – с неудовольствием протянул Мефистофель. – Какой комар тебя укусил?... Все мои старания, как твоего профессора танцев, значит, пропали даром! Так! Этого я, признаюсь, не ожидал!.. Стесняешься, что ли? Но ведь ты танцуешь, как богиня. Ни этой Верке, ни твоей слащавой Натке до тебя не дотянуться. Они прыгают, как козы в сарафанах. У них точно ноги деревянные... А ты... ты... за тебя я не боюсь... Ксаня! Пойдем же со мной, потешь своего учителя... Голубушка!

– Убирайся! – грубо оборвала та. А глаза ее все время, не отрываясь, глядели и глядели в чашу.

Раздосадованный Виктор отошел от нее.

– И говорить-то я с тобой больше не желаю! – буркнул себе под нос рассерженный Мефистофель.

– А, monsieur Виктор! Кажется, лесная колдунья натянула вам нос? – И двенадцатилетняя графиня Вера просунула свою маленькую ручку под руку Мефистифеля. – Я видела, как вы приглашали ее, и как она вас оттолкнула, вас, лучшего танцора!

– Правда, графинюшка, она меня оттолкнула.

И красный Мефистофель покорно склонил перед розовой Психеей-Верой свою красивую голову, в то время как в кудрявой голове зрело быстрое решение.

– Вас, первого танцора, оттолкнула! – еще раз произнесла графиня Вера и томно склонила свою пепельную головку на плечо Виктора.

– Да, меня! – с комическим вздохом протянул тот.

– Бедный! – и лукавая девочка заискивающе заглянула в его глаза. – Да как же она смела!

– О, графиня!.. Как же она могла поступить иначе? Она не умеет танцевать.

– Не умеет?

– Ну, разве только с лешими у себя в чаще... Или вы не видите, что эта расфуфыренная дикарка тяжела, как слон? Даром, что она хороша, как картина.

– Разве хороша?

И в малокровном, безвременно увядшем личике графини Веры мелькнула зависть.

– Очень хороша! – с самым почтительным видом произнес Виктор. Впрочем, это все здесь говорят.

– Лучше меня?

Большие, серые глаза Веры широко раскрылись.

– Лучше, графиня, – прозвучал печальный ответ.

– А! – взор Веры завистливо и сердито блеснул. – Но танцует она худо?

– Никак не танцует! Просто резвящийся гиппопотам!

– Вот как! Ах, как это было бы хорошо, если бы можно было ее все-таки заставить танцевать с кем-нибудь, – воскликнула Вера. – Вот вышла бы потеха!.. Все преклоняются перед ее красотой, а вот, увидав, как эта красавица пляшет, все стали бы смеяться... Это было бы великолепно!.. Виктор, вы должны это устроить, непременно должны... Пусть потанцует хоть раз... Уговорите ее... Вот-то будет смешно!.. – злорадствуя повторяла Вера. – У меня есть танцор для нее... Тут, напротив, стоит князь Муратов... Подведите его к Ксане. Он сейчас только восторгался ею... Пусть же чувствует, как хороша в танцах эта тумба... Подведите его к ней...

– Охотно, графиня! – И, проскользнув мазуркой по кругу, Виктор подлетел к блестящему драгунскому адъютанту и, взяв его под руку, повлек в дальний угол площадки.

– Князь, я слышал – вы восторгались нашей лесной колдуньей, обратился Виктор к блестящему драгунскому корнету. – Хотите быть представленным ей?

– О, премного обяжете, *mon cher*!²

И князь заскользил обок с Виктором по натертому воском кругу.

– Ксения! – произнес Виктор, низко склоняя перед Ксаней свою кудрявую голову, – вот князь Муратов желал быть представленным вам, – и тихо тут же добавил, – если ты не пойдешь с ним танцевать, то знай, мы с тобой враги на всю жизнь!

Впрочем, и без этого внушения Ксане нельзя было бы отказаться. Сильная рука Муратова, обтянутая белой лайкой, живо обхватила ее стан, и они понеслись в вальсе.

Танцующие пары остановились при виде вальсирующих... Угловатая застенчивость лесовички разом куда-то пропала, исчезла, как по волшебству. Дикая, своеобразная грация Ксани сквозила теперь в каждом ее движении, законченном и стройном. От ее черных кудрей, с запутавшимися в них цветами, тянулся нежный аромат... Быстрая, легкая, она носилась по кругу огненным видением, чуть касаясь ногами земли... Звуки музыки напоминали ей звон родимого лесного ручья и треск кузнечиков в чаще... Самый лес выглядывал на нее из темноты... Она забылась... Нарядная толпа, гости, площадка – все перестало существовать для Ксани. Ей чудилось, что лесные эльфы познали ее на свой праздник, и она кружится с ними без конца...

– Как она великолепно танцует! Как она артистически танцует, эта прелестная дикарка! – слышался восхищенный шепот вокруг нее.

– Где ты выучилась такому искусству, дитя? Бесподобно! Не ожидала! Столько грации! Прелесть! – успела ей шепнуть на ухо графиня, недоумевающая, почти растроганная этим приятным сюрпризом.

В это же время в углу круга графиня Вера, чуть не плача, шептала Виктору, капризно подергивая губами:

² Мой дорогой (*фр.*).

– Вы это нарочно... нарочно... придумали, чтобы меня доконать... Злой вы! Вы знали, что она великолепно танцует, и хотели только позлить меня... Я папа пожалуюсь... Она прекрасно танцует.

«А вы думали худо?! – расхохотался мысленно Виктор, – да, как же, выдам я вам на посмеяние Ксаньку, ждите!» И тут же добавил вслух с усмешкой:

– Ну, что вы нашли хорошего... графиня!.. Так, скачет себе, как блоха... Не велико ее искусство...

И отошел торжествующий и удовлетворенный своей местью...

* * *

Ксая, чуть не задохнувшаяся, разгоряченная, сидела в уголку круга, куда ее примчал блестящий драгунский корнет. Ее глаза, слегка затуманенные от быстрого кружения в вальсе, снова впились в чашу.

«Вот если сейчас спрыгнуть с площадки, то попадешь в темную полосу, вихрем пронеслось в мыслях лесовички, – несколько прыжков туда, в кусты... нагнуться только... А там, в кустах, пробраться дальше, дальше, и никто не заметит, как очутишься в лесу! В лесу! В желанном! Попробовать разве?»

Сердце ее сжалось... Потом застучало, так застучало, точно хотело выскочить из груди... И вдруг ее бросило в жар, быстро, неожиданно, от одной мысли. «А как попасть к Васе, в сторожку? Дядя сейчас на обходе и, наверное, по обыкновению, Васю запер на ключ... Как попасть без ключа к нему, в лесной домик?» Даже голова закружилась у Ксани... Ей так хотелось хоть на самое короткое время вырваться в лес, в милую, старую обстановку, в лесной домик, к Василию, к другу... Хоть на часок, на полчаса, на минутку одну! Ведь больше месяца живет она здесь, в усадьбе, и не знает, не ведает о том, что творится там, в лесной сторожке. Что поделывает Вася? Должна же она повидать его! Ведь он ее единственный друг, ее наставник, ее учитель. Если она кого-либо на свете в состоянии полюбить, так только его, Васю... И с тех пор, как она в графском доме, все чаще и чаще она думает о нем... Василий не Ната; он никогда не говорит ей, как графинюшка: «Будь моим другом, полюби меня». А за что ее полюбить и как полюбить? Она счастливая! У нее все есть: и наряды, и кушанья сладкие, и родители заботятся о ней, не дают на нее ветру пахнуть... За что ее любить? А вот Василий, Вася, хромой, жалкий, голодный всегда! Уж если надо кого любить на свете, так его, обездоленного, жалкого калеку... Ах, повидать бы его!.. Но если даже и сбежать в лес, – без ключа не войти в сторожку. Не попасть. Заперт Вася!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.